

Татьяна Абалова
КАК УКРАСТЬ
ЧУЖБУЮ
НЕВЕСТУ

Татьяна Абалова

Как украсть чужую невесту

«Автор»

2023

Абалова Т.

Как украсть чужую невесту / Т. Абалова — «Автор», 2023

Небесному князю не повезло, его избранница оказалась чужой невестой. Но как отступить, если ставки слишком высоки: без истинной у него не будет наследника, а любимые острова утратят способность летать? И все бы ничего, местные лорды частенько крали невест – дел-то, взвалил на плечо и унес. А как быть, если суженая из другого мира?

© Абалова Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Абалова

Как украсть чужую невесту

Глава 1

– Милорд, время пришло. Оракул ворона прислал.

Стоящий на смотровой площадке мужчина поморщился и нехотя снял руки с перил. Ему нравился бьющий в лицо ветер. Плащ за спиной раздувался, словно расправленные крылья. Казалось, еще мгновение и полет человека будет возможен.

– Держать курс на Арматорию, – произнес князь, спускаясь по подрагивающей лестнице.

Хозяин восьми летающих островов не любил обездвиженную твердь. Непривычна была молчащая почва: ни качки, ни магического гула, идущего из глубин. Стоило спуститься с острова, как он чувствовал себя пришибленным. Слово небо, обиженное его предательством, наваливалось на плечи, делая его пребывание на суше еще невыносимее. Шум работающего мовила успокаивал, потому как походил на песнь ветра – вечного спутника небесных скитальцев. А там, внизу, лорду Лерису Птородею делалось душно. Поэтому и сводил он к минимуму отношения с боящимися неба.

– Остальным следовать за нами? – тир Пикарт – командир флагманского острова Руб, передвигался, держась за канаты. Ими были опутаны все опасные места, особенно в той части, где размещались смотровые площадки, мостки с орудийными гнездами и межуровневые переходы. Только княжеский дворец был свободен от пут. Но и там иногда приходилось прикручивать к полу мебель. В небе всякое случалось.

Наблюдение за передвижением Пикарта заставило сердце Лериса сжаться. Старый небоход когда-то сам посмеялся бы над теми, кто хватается за веревки, боясь не устоять на ногах. «Не дети же малые!» А теперь настолько одряхлел, что вовсе не отрывал рук от страховки. Капитан был немощен телом, но предан душой, поэтому Небесный князь и мысли об его отставке не держал. Да и сам старик однажды высказался, что хотел бы умереть у штурвала. Зачем заставлять его смотреть на небо с нижнего уровня?

– Нет. Дело недолгое. Пусть идут заданным курсом. В случае задержки встретимся над горами Старосвета.

– А вдруг на этот раз получится?

Лерис раздраженно фыркнул.

– И правда, чего это я? – тир Пикарт натянул треуголку по самые уши. – Двадцать девять раз мимо, а на тридцатый вдруг случится? И кто придумал этот колодец? Женились бы как простые люди – по любви или согласию. Так нет, нужно с вывертом, чтобы один раз и навсегда.

Предаваясь любимому занятию всех стариков – занудному ворчанию, тир Пикарт однако не забывал крепко держаться за канат. Ему предстояло пройти не самый простой участок. Здесь сквозняк особо злобствовал, и не одна треуголка была сорвана с головы. Попытаешься такую поймать и, считай, погиб. Засосет в щели, через которые подается воздух к мовилу.

Только вытерев выступившую от напряжения испарину, небоход заметил, что лорд ушел далеко вперед.

– Побежал переодеваться, – усмехнулся старик. – Значит, еще жива в его сердце надежда.

– Так отпускать ворона или нет? – конопатый мальчишка, вывернувший из-за угла, шмыгнул носом. Дети, хоть и любили князя, старались в такие моменты ему не попадаться. Очень уж тяжелым становился его взгляд.

– Отпускай. Пусть оракул не скалит зубы. Прибудет к нему лорд.

– Тир капитан, – паж проводил глазами ворона, вылетевшего из клетки, – а почему оракул скалит зубы?

– Мы боимся неба поперек горла. Им приходится бороться с природой – плыть по бушующему морю или карабкаться на вершину отвесной горы. А нам, на их взгляд, все дается легко. Только подлететь и веревки скинуть, чтобы заполучить необходимое. А не будет у милорда жены и, стало быть, наследника, считай, конец летающим островам. Мовилы только крови Птородеев подчиняются.

– Но лорд же крепок и силен? – голос мальчишки звенел от тревоги. Он уже не представлял себе жизни без неба. – Он проживет долго?

– Силен, – кивнул старый небоход, – но всему свое время. Ему нужно не только обзавестись сыном, но и успеть привязать к нему всех мовилов.

– А если дочка? Что будет, если родится девочка?

– Не было еще такого. Видать сами мовилы способствуют, чтобы супруга лорда понесла сына. От того брачная ночь должна свершаться на летающем острове, а не где-нибудь еще.

– Тир, а почему туна Инха не может родить для князя? Она ведь почти каждую ночь к нему ходит? Сталко хвастался, что когда-нибудь его сестра женой милорда делается. Если боги ему истинную так и не подберут.

– То, Микуш, во-первых, не твое дело, негоже взрослых такому сопле, как ты, обсуждать. А во-вторых, боги не оставят нас без благословения. Как не оставили остальных правителей Себатыры.

Потрепав юного пажа по вихрам, тир Пикарт пошаркал на капитанский мостик, откуда шло управление островом. Отдав распоряжения команде, занял привычное место в кресле недалеко от штурвала. Сунув в рот трубку, закрыл глаза, желая тем показать, что занят думами.

А думал старик об оракуле и оберегаемом им древнем артефакте. Никто не знает, каким образом колодец связан со всеми правителями Себатыры. Но факт остается фактом: какую женщину он им выберет, с той детки и народятся. А до тех пор, хоть сто жен займей, всякая окажется бесплодной.

Небольшой крен и вибрация подсказали, что остров разворачивается, собираясь следовать новому курсу.

– Тир Пикарт! Капитан! – на лестнице, ведущей на капитанский мостик, пританцовывала от нетерпения черноглазая девушка. Выше, кроме команды небоходов, никто подняться не смел. Пока старик выколупывался из кресла и плелся до перил, чтобы понять, чего от него хотят, крикунья искусила себе все губы.

– Чего тебе, Кася?

– Почему флагман разворачивается?

– Приказ есть, – будет он еще отчитываться перед всякими малолетками. – В Арматорию идем.

– Но я же в Соломоже хотела пересесть на остров Кидр! Там меня жених ждет! – Кася чуть не плакала. – Дату свадьбы собирались обговорить.

Соломож – большой портовой город, где острова закупались провизией и всем необходимым для дальних перелетов.

– Ничего, подождет. Крепче любить будет. Разлука она такая. Способствует.

– А если наоборот? Вы же видели, какой он у меня красивый. А вдруг уведут?

– Зачем тебе такой, Кася? На нашем острове полно парней, кто за тебя голову положил бы.

– А любовь?

– Любовь-любовь. Заладили одно. Ты у нашего милорда спроси, много ему дала эта любовь? – старик сунул трубку в рот, прекращая тем бесполезный разговор.

– Кася, ну чего ты? – сзади плачущую девушку обняла такая же черноглазая женщина. – Вот увидишь, в Арматории мы надолго не задержимся. Нагоним остальные острова еще до Соломожа.

– А если нет, мама? Тогда я с Варго не увижусь до самого Старосвета.

– Еще никогда дольше двух дней над Арматорией мы не висели. Успеем.

Вопреки предположению тира Пикарта, хозяин армады островов вовсе не спешил переодеться, чтобы в случае удачи предстать перед суженой в лучшем виде, нет. Он заперся у себя, боясь ненароком сорваться. Накричать, разгромить, обидеть. Каждый визит к оракулу оставлял на его сердце шрам.

Вот и сейчас, слыша негодование Каси из-за его решения изменить курс, едва не раскрошил зубы. Ну почему ему, сильному, умному, одному из лучших небоходов, отказано в такой милости, как возможность иметь детей? Мало того, что колодец который год молчит, так еще береги себя для призрачной невесты. Сколько можно? Неужели мстит за юношескую дурь? Лерис давно все осознал.

Он просто хочет жить, как все остальные люди. Любить и чувствовать, что его тоже любят. Какая женщина останется с ним, зная, что однажды появится истинная и вытеснит ее, временную, из его жизни? Им всем нужен надежный муж, крепкий дом и куча детей. А он, владелец кучи летающих островов, не в состоянии дать им ни первого, ни второго, ни третьего.

Лорд Птородей за долгую жизнь не раз влюблялся. Даже по молодости бунтовал, дважды пропустив зов оракула. Зачем ему другая, когда в его кровати любимая Веро? Страсть сделала их зависимыми друг от друга. Они и на минуту не могли расстаться. Даже мовилы начали сбивать, так переполняли чувства Лериса. Если бы не отец, силой разлучивший влюбленных, юный лорд и в третий раз не откликнулся бы на зов, потеряв тем самым возможность встретить суженую. Каждому лорду на Себатре дозволялось лишь трижды пропустить зов оракула. Мало ли какие обстоятельства отрезали путь к колодцу: болезнь, война или стихийное бедствие. Но если прибыл и заглянул в бездну, подчинись. Никто из высшей знати Себатры так и не отважился отказаться от выбора колодца, какая бы женщина не находилась рядом до ритуала. Лерис был бы первым.

Он плакал, когда Веро уходила. Изгнание на сушу или деньги – такой у нее был выбор. Она без раздумий взяла деньги и перебралась с семьей на другой остров. А Лерис ради любимой предпочел бы смерть.

Вот и сейчас, когда рядом с ним была красавица Инха, оракул только и ждал, чтобы Лерис на все наплевал. Небесные лорды всегда были с гонором и плохо подчинялись общепринятым правилам. Если бы не отец, открывший, как сложится судьба островов без наследника, так и стоял бы упрямо на своем.

– Если у тебя не появится ребенок, ты лишишь Себатру такого уникального явления, как летающие острова, – отец разжал кулак, только что оставивший отметину на скуле сына. – Ты готов ради женщины отказаться от неба?!

Неповиновение мятежного отпрыска именно это и значило бы. Сколько мовилы протянули бы на его крови после смерти отца? Еще пару сотен лет? А потом? Рухнули бы где-нибудь в море, куда он вынужден был бы их направить, чтобы отвести беду от суши. На ней не найдется места, где упавшие острова не причинили бы вред людям. Но и море не могло предоставить им спокойной гавани. Без мовилов острова – это безжизненное нагромождение камней. Нет, пока за князем такие как Пикарт, Микуш и Кася, он не имеет права думать только о себе.

– Я слышала, мы повернули на Арматорий? – в дверях появилась Инха. Прекрасная, соблазнительная, ласковая. Ее голос полнился тревогой: неужели вчерашняя ночь станет их последней?

– Да, – лорд огладил любовницу взглядом. Она с самого начала понимала правила игры, но все равно согласилась. Связь с правителем несла не только потери, но и выгоды. Теперь на острове Вур–вур капитаном служил ее отец.

Инха прильнула к милорду, обвила его шею руками. Встав на цыпочки, потянулась за поцелуем.

– Ты же знаешь, я могу вернуться несвободным?

– Знаю, Лери, – выдохнула она в его губы. – Но пока ты мой. Только мой.

Ева Никольская сидела за столиком летнего кафе и нервно поглядывала на молчащий телефон. Максим опаздывал и не считал нужным позвонить или кинуть сообщение, чтобы она не чувствовала себя полной дурой.

– Вы готовы сделать заказ? – упрек в глазах официанта заставил смутиться. Кафе ломилось от посетителей. Менеджеру приходилось даже отказывать, а она занимала целый столик и почти час сидела с полупустым стаканом.

Махом допив воду, Ева произнесла:

– Принесите еще один стакан. Пожалуйста.

– Воды?

– Да. Простой воды.

Официант поджал губы и удалился.

«Знал бы ты, как непросто мне».

Ева задрала аккуратненький носик и поправила челку, так не вовремя съехавшую на один глаз. Потратив последние деньги на парикмахерскую, она не рисковала заказать что–то более существенное, чем стакан воды. А вдруг у Максима изменятся планы, и он не подъедет? Позвонит и скажет: «Лапусь, свидание откладывается. Шуруй домой». Что тогда? Лепетать извинения в ответ на вежливо–презрительное «На вашей карте недостаточно средств, нет ли иного способа заплатить?». Судорожно рыться в сумке, делая вид, что деньги были, но куда–то запропастились? Боже, как же она ненавидела подобные унижительные ситуации!

Наверное, не стоило отвечать на предложение Максима согласием. Рано. Всего второй курс, она еще не встала на ноги, чтобы быть достойной такого жениха. Для нее стрелка на колготках – это целая катастрофа. На что купить новые? Джинсы выручали, но Максим водил ее в такие места, где палочка–выручалочка не работала. Нужны были чулки и шпильки.

А еще это кольцо с бриллиантом, преподнесенное Максом по всем правилам. Были и распахнутая бархатная коробочка, и вставший на колено мужчина, и ее робкое «да». Скорее со знаком вопроса, чем утвердительное. То, что другим принесло бы радость, Еву угнетало. Она или вовсе не надевала кольцо, или поворачивала его камнем вовнутрь. Ну не вязалась дорогая вещь с коротко обрезанными ногтями. Папа – врач в поселковом медпункте, сам резал их коротко и приучил всю семью. Конечно, Ева знала, что такое маникюр, но не считала нужным тратить деньги в салоне. «Чистые ногти всегда красиво» – постулат мамы принимался на веру.

Да, слишком необдуманно она приняла решение. Ева чувствовала, что совсем не готова к серьезным отношениям, но... Но Максим нравился, а подруги в общаге шептали: «Не упусти!». Делились одеждой, такой же дешевой, как у нее.

Думать о предстоящих тратах на свадьбу и вовсе было больно. Поэтому пока не сообщила родителям, которые тоже не готовы. Ева первая из пяти детей, кто вылетел из гнезда и еще совсем не оперился.

Рядом с Максимом она чувствовала себя Золушкой, которая стыдилась страшных башмаков. Ева тоже не могла себе позволить дорогую обувь. Нет, она не ходила, как замарашка из сказки, в испачканном сажей платье, но единственный наряд, который мама дала «на выход», шился еще на выпускной.

Чтобы выкроить на приличный салон, волшебным образом превратившим ее мышинный цвет волос в нечто золотисто–блондинистое, пришлось взять подработку. Стипендии и леваков (Ева делала за других курсовые) едва хватало на жизнь. Лишние траты в бюджет никак не вписывались.

– Принесите счет, – произнесла Ева, когда официант поставил перед ней стакан с водой. Больше она ждать не будет. И звонить не станет. И даже телефон отключит. Пусть Максим ищет ее. Пусть помучается, как она теперь.

Счет съел последние копейки. До общаги придется идти пешком.

Пододвинув к себе стакан, Ева раздумывала, пить или не пить. За долгую дорогу до университета мочевого пузыря мог попроситься в туалет.

«Схожу заранее в кафе. Хоть какая–то от него польза».

И только Ева поднесла воду к губам, как увидела на дне дрожащую картинку. В недоумении подняла стакан, чтобы посмотреть, не прилипла ли какая–нибудь бумажка, но стекло оказалось совершенно чистым.

Заинтересованная странной иллюзией, Ева вновь заглянула в стакан. На этот раз картинка сделалась четче. На ней угадывалось лицо мужчины, обрамленное темными кудрями. Его глаза были закрыты, точно он о чем–то раздумывал.

– Черт! – пробормотала Ева, пытаясь понять странное оптическое явление. В голове выстроилась теория последовательных стеклянных линз, передающих изображение реального мужчины, сидящего здесь же в кафе. Ева вытянула шею и осмотрелась. Слишком много людей, да и сама теория выглядела странновато. Хотя реальность происходящего доказывалась тем, что картинка с незнакомцем не была статичной. Ева краем глаза заметила движение.

Незнакомец вдруг протянул руку, словно предлагал вложить в нее ладонь, но глаза его по прежнему оставались закрыты. Ева вскрикнула и отбросила стакан. Тот с хлопком ударился об пол и рассыпался на сотню мелких осколков.

Вот то чувство, которого Ева всегда опасалась. На нее обернулись все сидящие в кафе. А наперерез, чтобы виновница порчи имущества не смылась, летел официант.

– Там был таракан! – пролепетала Ева, хватая свою сумочку. Она заторопилась к выходу, надеясь, что окажется ловчее официанта.

Следующее произошло одновременно: она ткнулась лицом в чей–то пиджак, и ее схватили за локоть.

– Что здесь происходит?

– Макс! – спаситель появился весьма вовремя.

– Ваша дама разбила стакан.

Максим оказался на редкость чутким. Он с одного взгляда понял всю неловкость ситуации. Достаточно было увидеть пылающие щеки невесты и глаза официанта, излучающие чувство обостренной справедливости.

– Сколько?

Официант даже не успел ответить. Ему в ладонь легла значительная купюра. Чего мелочиться, когда надо спасти даму?

– Спасибо, – Ева вцепилась в рукав Максима. Он успокаивающе похлопал ее по напряженным пальцам.

Глава 2

– Милорд! Мы прибыли! – тир Пикарт постучал и прислушался к тишине за дверью. – Милорд?

– А я что говорил? – Сталко, в свои шестнадцать дослужившийся до звания младшего небохода, переглянулся с пришедшим вместе со стариком Микушем.

– Может, с ним что-то случилось? – у мальчишки, исполняющего роль пажа при лорде, от страха повлажнели ладони. Он вытер их о бархатные штанишки.

– Сталко, а где твоя сестра? – тир Пикарт прищурил один глаз, что служило плохим знаком. Все знали, старик только выглядит слабым, но в трудную минуту способен принять жесткое решение. Еще свежи были в памяти события, произошедшие на флагманском острове год назад. Тогда князь как раз пытал судьбу у оракула, и за старшего оставался тир Пикарт. Бунт, поднятый отстраненным от несения службы небоходом, пойманным на воровстве, капитан задушил на корню. Дружкам достаточно было увидеть, как старик прошаркал до горляющего бугая и легко выкинул того за борт. За минуту до смерти на глупца смотрел именно такой прищуренный глаз.

– Н–н–не знаю...

– Инха, открой! – рявкнул капитан, заставив вздрогнуть присутствующих. – Считаю до трех и разношу дверь в щепки. Раз... – на ладони тира Пикарта волчком закрутился клубок тьмы.

– Два... – шар увеличился в размерах вдвое и начал опасно потрескивать. В его недрах зарождались огненные всполохи. Запахло грозой.

– Инха, бездна тебя подери, открывай! – завопил Сталко и шибанул плечом крепкую дверь.

Тир Пикарт не успел сказать «три», дверь распахнулась. На пороге застыла испуганная девушка.

– Тварь, ты что творишь? – брат отвесил Инхе пощечину. Оттолкнув заплакавшую любовницу лорда в сторону, пропустил в покои тира Пикарта. Сам прошел следом. За ним, с опаской оглядываясь на осевшую на пол Инху, юркнул Микуш.

Лерис лежал на кровати, раскинув руки. Неподвижный и серый лицом. Его рот бы приоткрыт. Поднесенное стариком зеркальце, сколько ни держал у губ, не запотело.

– Что ты сделала с ним, сестра? – Сталко побледнел. Упав от резко накатившей слабости на колени, ткнулся лбом в покрывало. – Тварь... Тварь... ты убила его...

– Лекаря! Позовите лекаря!

Прибравший эскулап оттянул веки, пощупал запястье, приложил ухо к груди и печально помотал головой.

– Мертв.

Микуш спрятался за занавеску. Ему было страшно смотреть и на мертвого князя, и на рыдающего друга.

Весть о том, что Инха отравила милорда, разнеслась по княжеству со скоростью молнии. Направляющиеся в Соломож острова развернулись и на максимальной скорости понеслись в Арматорию. Магописцы не успевали отвечать на вопросы растревоженных капитанов. Больше всех злился и негодовал отец Инхи. Он прекрасно понимал, чем может закончиться не только его карьера, но и судьба всего островного государства.

Его безучастную ко всему дочь заперли в башне Тлена. Мрачное сооружение издавна служило местом содержания преступников, ожидающих суда. Как только лорд выносил приговор, их переводили на остров Кунн. Один из самых крупных в Небесном княжестве, он сла-

вился не только особыми жителями и лучшей охраной, но и богатыми садами и полями. Их обрабатывали все те же заключенные. Дармоедов Лерис Птородей не терпел.

– Прибыли Альдо и Годерж, – глядя в подзорную трубу, докладывал старику старший помощник. Острова начали прибывать с утра следующего после убийства дня.

Тир Пикарт перебрался на смотровую площадку. Слишком шумно и суетно было на капитанском мостике – работали все три смены небоходов. Волнение делало людей дерганными и крикливыми. Старик попросил придвинуть кресло к тем перилам, где так любил стоять князь. За спинкой кресла замер Микуш.

Мальчик уже не плакал. Его друга Сталко тоже заперли в башне, но не рядом с преступницей, а на другом уровне. «До выяснения обстоятельств» – так ему объяснили. Но паж никак не мог взять в толк, какие могут быть обстоятельства. Инха всего лишь являлась другу родной сестрой. Микуш и на минуту не сомневался, что Сталко не причастен к отравлению.

– На подходе Виру–Виру и Бондо.

– Кто в хвосте? – старый небоход был хмур. Ветер трепал редкие седые волосы. Треуголка лежала на коленях и подрагивала, когда к Рубу – флагманскому острову, причаливали его собраты. Не всегда удавалось сойтись гладко. В такие моменты куски тверди осыпались вниз, и тир Пикарт молил богов, чтобы те не пришибли кого–нибудь из боящихся неба. Времени для выбора более безопасной гавани не было. Трагическое событие заставляло забыть о вежливости.

«Позже принесем извинения».

– Кунн и Агат, – доложил старший помощник.

Острова отличались друг от друга. Размером, ландшафтом, или какими–то особыми признаками. Под Агатом, например, висел огромный кожаный пузырь. Благодаря ему у княжества всегда имелся запас пресной воды. Даже над морем. Какая–то химия, связанная с испарением и солнцем, Микуш точно не знал. Остров Кунн тоже легко распознавался – самый зеленый из всех, несмотря на мрачный замок и надзорные вышки. Здесь содержались преступники.

– Капитанов предупредили, что они должны проследовать в зал собраний?

– Так точно.

Микуш осторожно приблизился к перилам. Встав на цыпочки, перегнулся, чтобы рассмотреть сушу, раскинувшуюся внизу. Арматория тонула в тени, хотя солнце всюду поливало острова. «Мы закрыли им все небо», – догадался мальчишка. Еще никогда острова не скапливались в одном месте. Даже над торговыми городами старались зависнуть подальше друг от друга.

Флагман как следует тряхануло. Микуш от страха присел и крепко вцепился в перила.

– Не бойся, малыш, – капитан сунул трубку в рот. Микуш никогда не видел, чтобы та дымила, и не понимал, зачем старик всюду таскается с ней. – Мы еще не падаем.

Старший помощник отвлекся от подзорной трубы и медленно перевел взгляд на капитана.

– Что, мальчики, не знали, что без князя мовилы замолчат?

– Мы разобьемся? – Микуш облизал обветренные губы.

– Нет. Мы спустимся вниз. Нам придется искать другое место для жилья. На островах останутся лишь капитаны, которые уведут их в море, – глаза старика слезились. Он смотрел вдаль, будто наяву видел то, о чем говорил. – Поднимется огромная волна, и лучше бы нам быть в этот момент подальше от берега.

– Острова затопят? – выдохнул старший помощник. Ему и внуку старик доверял, поэтому не стал скрывать печальную судьбу мовилов. Об их зависимости от крови князя знали только посвященные. Когда–нибудь эти двое тоже сделались бы капитанами, и как жаль, что их мечты никогда не исполнятся.

– Тир капитан, – голос пажа дрожал, – зачем она это сделала? Зачем погубила всех нас?

– Ревность. Должно быть, Инха не хотела, чтобы ее мужчина достался другой.

– Но вы ведь сами говорили, я слышал, что лорду не повезло двадцать девять раз, почему она решила, что в этот непременно получится?

– Кто этих женщин поймет? Наворотят дел, а потом плачут.

– Дура она. Дура–дура–дура, – мальчишка каждое слово сопровождал ударом ноги по перилам.

– Тише ты, разбушевался. Остров нам еще послужит.

Круглый стол с девятью креслами ждал своих гостей. Они рассаживались неспешно, тщательно выбирая соседей. Капитана острова Виру–Виру обходили стороной. Никто не хотел приветствовать отца преступницы. Он ярко чувствовал свою вину, сидел, понуриив голову. Смотреть в глаза друзьям было больно. Каждый из капитанов прекрасно понимал, как и когда прекратит существование островное государство. И все из–за какой–то девчонки, одним местом отвоевавшей должность отцу.

Тир Дехар не был плохим человеком, и капитаном считался умелым, но только за место на Виру–Виру боролись не менее опытные небоходы. Те, кто тоже упорно учился и верно служил, но кому боги не дали смазливую дочь. Конечно, капитаны понимали, что князь не поставил бы главой острова кого попало, что Дехар достоин нового назначения. Но как бы он ни был хорош, все только и говорили о незаконной протекции дочери.

Опоздавший к назначенному часу тир Пикарт застыл в дверях. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы верно оценить обстановку.

– Больно смелые стали, – проворчал он, перетаскивая свое кресло на пустое место возле капитана острова Виру–Виру. Демонстративно уселся так близко, что его локоть задевал лежащую на подлокотнике руку опального капитана. – Думаете, все про всех знаете? Милорд подписал документы задолго до того, как познакомился с дочерью тира Дехара. Я свидетель тому. Князь выбрал достойнейшего из достойных. Преступлению Инхи еще будет дана оценка. А сейчас, вместо того, чтобы заниматься пересудами, давайте вернемся более важными делами. Нам есть о чем поговорить.

– Сколько нам осталось? – капитан острова Кунн был рыж, упитан и страдал отдышкой. – И что будем делать с заключенными?

– Надо лететь в Фергот, – наместник острова Годаж поднялся, чтобы привлечь к себе внимание. – Владыка благоволил к князю и не раз предлагал свое покровительство. Он может принять всех нас.

– Мы ему нужны только как союзники против пустынных, а без островов от нас пользы чуть. Ни земли, ни дома, – наместник гористого Бондо особо остро чувствовал, что останется ни с чем. Его остров славился горячими источниками и целебными грязями. Небоходы перебирались туда отдохнуть и поправить здоровье. – Без острова я никто.

– Все мы без островов никто.

– У агатцев хотя бы сохранится пузырь, накапливающий воду, а что у меня?

– Целители везде пригодятся.

– Это без целебного–то источника?

– Мы и на суше сможем возродить кузнечное дело, – хозяин Альбо – острова, где каждый второй работал в кузне, был по военному подтянут. В Себатре оружие его мастеров отрывали с руками.

– Но в Ферготе нет руды. Где вы возьмете железо? – капитан Кидра удрученно покачал головой. Горы Старосвета были привычным местом для его рудокопов – там Небесное княжество владело несколькими шахтами. Они располагались настолько высоко, что никому из обитателей суши не были по зубам.

– Так сколько у нас осталось времени?

Тир Пикарт очень внимательно слушал капитанов. Только в обстановке, близкой к панике, проявлялись истинные лица.

– Я только что спустился к своему мовилу, – тир Пикарт достал трубку, но в рот не сунул. – И не заметил никаких изменений. Он спокоен и работает без сбоев.

Капитаны переглянулись. Каждый из них знал, что магические создания остро чувствуют состояние хозяина. И просто такого не может быть, чтобы последний из Птородеев умер, а мовилы никак на его смерть не реагировали. Капитаны невольно прислушивались к шагам за дверью, ожидая дурных известий.

– Прошло слишком мало времени...

Тир Пикарт не дал капитану острова Бондо договорить, остановил его жестом.

– Я хочу услышать, не заметил ли кто из вас нечто необычное в поведении мовилов? Сразу после того, как получил печальное известие.

– Ничего особенного.

– Нет.

– Все, как обычно.

– Был толчок, но мовил быстро успокоился.

– И у нас дернуло.

– Нас тоже недавно шатнуло, – кивнул старый небоход, – поэтому я и спустился к мовилу.

Он просто перевернулся на другой бок.

– Но мовилы редко поворачиваются. Это тоже какой–то знак, – тюремщик с острова Кунн вытер огромным платком лоб.

– Да, что–то ему не понравилось, но сейчас он не проявляет особого беспокойства.

– Выходит, князь жив?!

– Но как?

Капитаны повскакивали с мест.

– Можно мне увидеться с дочерью? – тир Дехар растерянно оглядел присутствующих.

– Инха молчит. Мне кажется, – старый небоход вздохнул, – она повредила рассудком.

– Я поговорю с ней, – отец упорствовал. – Мы должны знать, что она сделала с князем.

– Собрание откладывается до полного выяснения обстоятельств. Я думаю, рано еще нашего лорда хоронить, – произнес старик и, шаркая, поспешил за отцом преступницы.

Крепость Руб представляла собой монументальное сооружение. Чего только стоил многоуровневый каменный замок с довольно просторной площадью. На некотором расстоянии от него располагались дома местных жителей, у ворот – казарменное здание для стражников. Имелись даже конюшни. Если появлялась нужда посетить город или торговый порт, лошадей и повозки спускали вниз в огромной клети. За замком нашлось место и для сада. По задумке архитектора он делился на летний, разбитый в естественных условиях, и зимний, одетый в стекло. Все это великолепие окружала высокая крепостная стена, по углам которой застыли башни. В одну из них и направлялись тир Пикарт и затаивший надежду отец Инхи. Вдруг его дочь не так виновата, как представляется?

Вышагивая по мощеному камнем двору, старый небоход наметанным взглядом оглядел свои владения. Всякий раз, видя замок, он испытывал и гордость, и восхищение. Впервые попавший на Руб гость неизменно любопытствовал, для чего здесь столь крепкое оборонительное сооружение. Разве в небе обитают не только птицы?

Нет, без крепости на острове не обойтись. Она знавала кровавые битвы. Еще при старом князе был погашен бунт капитанов, пожелавших отделиться и стать свободными. Именно тогда вскрылась тайна мовилов. Магические существа не живут без Птородеев. Нет смысла угонять острова, если в тебе нет княжеской крови. В тот страшный год погибли сразу два мовила.

«Обидно, что пришлось обороняться от своих», – тир Пикарт вздохнул.

Но лезли и чужие. Вспомнилась жестокая битва у шахт, когда горцы напали на остров Кирд. Рудокопы крепкие воины, но, застигнутые врасплох, не смогли дать достойный отпор. Одних закрыли в шахтах, других вырезали. Враг пробрался на остров. Насиловал, грабил, жег. Лерис едва успел.

«М–да, многим на суше не дает покоя богатство Небесного княжества».

– Папа? – Инха поднялась с тощего тюфяка, набитого соломой. Еще вчера она нежилась в мехах, а сегодня представляла собой жалкое зрелище. Босая, нечесаная, трясущаяся в одной тонкой рубашечке. Сердце отца должно было сжаться, но капитан взял себя в руки.

– Говори, – он подтянул табурет, принесенный стражником. Высокий, Дехар и сидя был выше своей дочери.

– Нет, – Инха отвернулась к окну, забранному решеткой.

– На что ты надеешься? – лицо отца свела судорога.

– Я ничего не скажу.

Тир Пикарт, оставшийся в коридоре, видел, как у Дехара ходят желваки.

Капитан Виру–Виру устало опустил руки. Казалось, что он сник. Сдался, не имея влияния на дочь. Но вдруг на кончиках его пальцев зародились искры. Он потрянул кистями рук, словно хотел сбросить обжигающий огонь, но тот вытянулся и превратился в длинную плеть.

– Папа! – глаза Инхи были полны ужаса.

– Говори или...

Плеть хлестнула воздух и, изогнувшись змеей, обвила нежную шею девушки. Инха заверещала, вцепилась руками в огненную ленту, но лишь сделал себе хуже – петля затянулась еще туже.

– Дехар, прекрати! Ты убьешь ее, – старик положил ладонь на напряженное плечо капитана. Он не мог смотреть, как, задыхаясь, Инха сучит ногами.

Змея с шипением исчезла. На шее девушки остался красный след ожога. Она рыдала, не веря, что собственный отец поднял на нее руку.

– Я... Я все расскажу... Лери, – Инха с трудом поднялась с пола и с ненавистью посмотрела на своего мучителя. – Я все расскажу князю, и он...

– Князь жив? – тир Пикарт похлопал себя по карману, полез в другой, но трубку не нашел. «Наверное забыл в замке на столе».

– Я никогда не навредила бы ему. Я люблю его. И больше ничего от меня не услышай...

На кончиках пальцев отца вновь запрыгало пламя.

– Он просто спит! – взвизгнула Инха.

– Чем ты его отравила? – старик не знал, то ли сердится, то ли радоваться. Милорд просто спит.

– Не скажу...

Да, девочке определенно требовалась хорошая порка. Всего девятнадцать, а уже какая строптивая. Ничего не боится. И на что надеется?

– Я знаю, – тир Дехар поднялся с табурета. Он вышел, даже не взглянув на дочь. – Это сонник. Он растет только на Виру–Виру. А Инха недавно навещала мать.

– Как долго он действует? – старик поплелся следом. Вновь похлопал себя по карманам, точно не верил, что трубки нет.

– Не больше недели.

– Плохо. Очень плохо

– Вы знаете, зачем она это сделала?

Тир Пикарт кивнул.

– Лериса вызвал оракул. И если в течение трех дней князь не явится, его не допустят до колодца.

– А значит, он упустит шанс увидеть свою истинную...

– И занять наследника.

– Дура девка, – отец зло сплюнул. – Она все подстроила. Усыпила князя, чтобы он опоздал.

– Он будет моим! – крикнула Инха. Стражник, закрывая дверь, гремел засовами. – Только моим!

– Ты его потеряла навсегда, девочка, – произнес старик. Он поторопился в зал, чтобы сообщить обнадеживающую новость капитанам.

Глава 3

Конечно же, тир Пикарт утаил причину, побудившую любовницу отравить князя. Ни к чему беспокоить капитанов раньше срока. Не надо им знать, что беда никуда не ушла, а лишь отодвинулась во времени. Острова обречены, если лорд не посетит оракула, а он его не посетит.

«Ну что за безголовая девка! Одной щепоткой сонника разделалась и с будущим князя, и с его островами».

– Спит?! Так вот почему мовилы спокойны! – обрадовался капитан острова Кунн.

– Из-за ошибки лекаря мы потеряли столько времени! Были бы уже на полпути к Соломожу.

– А у меня провизии на три дня, чем я буду людей кормить? И так без мяса вторую неделю.

– Поделимся!

Тир Пикарт дождался, когда гости покинут зал. Он уже отдал распоряжение, чтобы капитанов накормили, а из личных запасов князя отослали на каждый остров по паре бочонков с вином.

– Все хорошо, – выдохнул старик и сунул найденную трубку в рот.

– А что будем делать с оракулом? – тир Дехар задержался. – Расскажите мне об условиях зова, может что дельное на ум придет. Разбудить мы князя все равно не сможем, но вдруг как-то выкрутимся?

– Да никаких особых условий нет. Как только князь отправляет ворона оракулу, начинается отсчет трех дней. Опоздал – ворота храма не откроются. У колодца все как-то на цифре три замешано. Не отозваться на зов тоже можно всего три раза за жизнь. Но все дело в том, что... – тир Пикарт помедлил, сомневаясь, стоит ли разглашать чужую тайну. Любое слово может посеять панику. – Наш князь уже дважды отказывался прийти к колодцу. А значит, если Лерис и в этот раз не явится, то утратит последний шанс. Он никогда не найдет истинную, а значит, никогда не обзаведется наследником.

– Острова живы, пока жив князь?

– Да, – старик вздохнул и поднял на капитана Виру–Виру глаза. – У островов останется около двухсот лет. И надо молиться, чтобы князь не умер раньше срока.

Тир Дехар, поняв, какая беда нависла над княжеством, застонал.

– Я сам убью Инху.

– Пусть милорд сам принимает решение.

– Может, известить оракула, что Лерис заболел?

– Оракул не пойдет на уступки. Закон есть закон. Князь должен прибыть лично. Да и не в упрямом оракуле дело, а в самом колодце. Лерис должен заглянуть в него, капнув в воду собственную кровь. Только он и никто другой, – старик знал суть ритуала. Не раз сопровождал милорда.

– Скажите, а где-нибудь оговаривается, что лорд должен появиться именно на своих двоих, а не, скажем, лежа на носилках?

Тир Пикарт потер переносицу.

– Надо порыться в книгах. Жаль, времени мало. У нас в запасе всего один день.

– А я уверен, колодцу все равно, болен или здоров просящий, – Дехар загорелся идеей. Он не смог усидеть на месте кружил вокруг стола. – Главное, чтобы в него капнули кровь живого человека, а не мертвеца.

Старый небоход вытащил трубку изо рта и задумчиво постучал ею по столу.

– А ты ведь прав. Скажем, что Лерис занемог, поэтому самостоятельно идти не может, подтащим его к колодцу и посмотрим, появится ли суженая. Если нет, уйдем, а вот если да...

Да нет, маловероятно! Князь уже тридцатый год откликается на зов, но остается ни с чем. Как привязанный к этой Арматории. А колодец ему ничего, кроме шиша, не показывает. Авось и в этот раз не случится. Сделаем все что можем, а дальше уж князь сам, без нас. Выводы, надеюсь, сделает.

Проводив капитанов и обговорив с тиром Дехаром подробности предстоящей операции, старый небоход поспешил навестить спящего князя. Хорошо, что не успели уложить в гроб.

Выглядел лорд неважно. Загорелые люди очень странно бледнеют, их кожа становится какой-то грязно-серой. Кудри спутались, рот приоткрылся, грудь, вопреки тому, как положено спящему, не вздымалась. Чистый покойник. Даже ниточка пульса и та не нащупывалась.

Пикарт уже поинтересовался признаками отравления сонником, все сходилось. И как его уверили, не было еще такого случая, чтобы человек не проснулся. Применяли ту травку не для благих целей. Потому как давала она лишь забытье, а не здоровый сон. Насыплет кухонная девка высушенной и истолченной травы в вино, а как неугодный гость уснет, так над ним, спящим, какую-нибудь пакость сотворят. Например, живым похоронят. Что случайно чуть не сделали с князем.

На всякий случай старый небоход поставил у дверей охрану. Дураков, как оказывается, полно. А ему свою жизнь хочется дожить в спокойствии, в объятиях любимой старухи и кучи внуков.

– Микуш, а ты чего здесь?

– Дед, а князь взаправду спит? – только наедине внук обращался к нему по домашнему. – Что-то он не кажется мне живым.

– Взаправду. Через недельку проснется.

– А как же оракул? Ты же видел, я ворона выпустил.

– Завтра навестим. Все вместе. Ты, я и тир Дехар. Нам пропустить зов никак нельзя, поэтому лорда на своем горбу к оракулу потащим.

Однако основная тяжесть досталась тире Дехару и юному Сталко. Но отец с сыном не роптали. Кому расхлебывать как не им? Сегодня капитан корил себя за излишнюю жестокость к дочери. Но кто бы был милостив в такой ситуации? Корить корил, но не простил. И даже радовался, что тир Пикарт переложил решение на плечи князя. Дехар боялся, что его собственный суд оказался бы намного строже. Он навсегда изгнал бы дочь с островов.

Старик больше мешал, чем помогал перекладывать князя из носилок в карету. Если бы Лерис был в себе, он бы не простил причиненного унижения: его спустили в клетки, предназначенной для женщин и детей. Тайную операцию проводили рано утром, чтобы за перемещением спящего, лошадей и кареты наблюдало как можно меньше глаз.

– Садись на облучок, – дед посадил Микуша к держащему вожжи Сталко. Юного небохода выпустили из заточения еще вчера.

– Знаешь, куда путь держать? – спросил сына тир Дехар. Получив утвердительный ответ, уселся в карету, где на мягком сиденье полулежал князь. Старик тут же дернул за бархатную ленту, давая тем знать, что можно трогать.

Чем ближе подъезжали, тем больше неба закрывала махина храма. Небоходам трудно было понять, для чего возводить столь огромное сооружение, если требовалось укрыть колодец величиной с колесо телеги. Золотые шпили храма грозились проткнуть облака, а белокаменные стены слепили почище солнца. Внутреннее расположение и вовсе смутило – площадь, хоть и занимала приличное пространство, сама напоминала колодец. Карета Небесного князя смотрелась рядом с исполинскими стенами крохотным коробком.

– Небо всего с медяк, – задрал голову, прошептал Микуш.

Стоило повозке остановиться, как на высокой лестнице появился оракул, окруженный толпой таких же горделивых прислужников. Их лыбые головы украшала мудреная вязь заклинаний. Белые с золотом одеяния гляделись торжественно, даже напыщенно. Храмовики, упи-

ваясь своим великолепием, смотрели снисходительно на гостей в одинаковых серых камзолах с гербами княжества. Но небоходы неловкости не чувствовали. Они прибыли по делу, а не на бал.

– Я рад приветствовать у себя Небесного князя, – тихий голос оракула оттолкнулся от высоких стен и, преумножившись эхом, долетел до гостей грозным гласом.

По мнению Микуша именно так должны говорить боги. От восторженного трепета у него даже подкосились ноги, но дед не позволил упасть. Придержал за шкуру. Островитяне никогда не опускались на колени перед боящимися неба.

– Но что это с ним? – оракул, наконец, заметил, что голова князя опущена, а его самого с двух сторон поддерживают.

– Захворал, – громко произнес тир Пикарт. В отличие от голоса оракула, его слова прозвучали глухо. Эхо и не подумало подхватить их, будто верно служило лишь одному хозяину.

– Так зачем же вы его, хворого, привели? – неестественно накрашенные брови оракула поползли вверх.

Микуш с открытым ртом рассматривал обитателей храма: они имели настолько белую кожу, что, казалось, никогда не знали солнца. «Оно и не мудрено, вокруг такие высокие стены». Но больше всего его поразило то, что у взрослых мужчин помимо устрашающих бровей, были подведены глаза. Черные стрелки едва не доходили до ушей, в мочках которых висели массивные серьги. Тяжелые украшения звенели при каждом повороте головы. И звон этот так же, как и слова, подхватывало эхо. У пажа закружилась голова, а мысли сделались вязкими. Несмотря на юный возраст, Микуш догадался, что в храме все направлено на то, чтобы человек чувствовал себя пустоголовым и позволил оракулу вертеть собой, как ему вздумается.

Однако дед не обращал внимания на унижающие уловки и гнул выбранную линию.

– Князь отказался отлеживаться в постели, достопочтимый оракул. Правило есть правило. Позвали – обязан явиться.

– И вы полагаете, что он сможет в таком состоянии дойти до колодца?

– Отчего же нет? Мы поможем, – старик почти кричал, но стены глушили его голос, будто хотели доказать ничтожность небохода перед ними. – Я сколько ни рылся в древних книгах, так и не нашел свидетельств, что колодец когда-нибудь отказал недужному. Помнится, в одном из фолиантов даже случай показательный описывался.

Эх, не зря тир Пикарт почти всю ночь в княжеской библиотеке провел!

– Даровиг Великий прибыл к колодцу сразу после кровавой битвы. На носилках. Собственные кишки, чтобы не вывалились, рукой придерживал ...

Оракул поморщился.

– Правда, король сразу же, как только нареченную узрел, дух испустил. Говорят, страшна была больно ...

– Он от ран умер, – оборвал излишняя оракул.

– Да мы ж не против. Мы даже не будем в обиде, если колодец не покажет истинную. Столько лет отказывал, еще один год потерпим. Зато наш лорд сохранит благосклонность магического артефакта и еще много-много раз посетит ваш дивный храм. Микуш, поблагодари Его Святейшество за прием.

В руки главы храма переключал кошель с золотыми монетами. Оценив тяжесть мешка, оракул кисло улыбнулся и тут же избавился от подношения, передав его одному из прислужников.

– Князь вообще жив? Он же не дышит, – видя, как отец с сыном тащат князя, храмовик посторонился и с сомнением покачал головой. Запоздало вспомнив, что он должен возглавлять процессию, поторопился занять положенное место. Правда, пришлось подсуетиться, чтобы обойти троицу, занявшую весь проход.

Длинный коридор привел к лестнице, конец которой терялся где-то далеко внизу. Капитан Дехар переглянулся с сыном. Оба уже устали. Как бы не сковырнуться вместе с князем с такой высоты.

Оракул не предложил помощи, хотя его окружали далеко не бессильные прислужники.

– Ничего, потерпим, – прошептал Дехар. – Для благого дела стараемся.

К концу спуска они настолько измучились, что дотащив князя до длинной скамьи, взвалили на нее, а сами упали рядом.

– Им бы отдохнуть малость, – тир Пикарт ответил на возмущенный взгляд оракула. Все должно было быть торжественно: зажглись сотни огней, заиграла музыка, а гости устроили какой-то балаган. Князь едва жив, а эти двое на полу валяются.

По ковровой дорожке, что упиралась дальним концом в колодец, небоходы шли пошатываясь и спотыкаясь, нарушая тем положенный по ритуалу ритм. Оракул уже не оглядывался, но тир Пикарт видел, как у храмовика сжимаются кулаки и подергивается щека.

«Был бы князь в себе, ты бы, гад, не позволил себе такие рожи корчить. Но ничего, надо потерпеть». О том, что еще предстоит путь назад, где количество ступеней и шагов не уменьшится, думать не хотелось.

Микуш расстроился, увидев загадочный колодец. Одно разочарование. Камень старый, раскрошившийся, местами покрытый мхом. Сам в виде невысокого кольца, а вода под самую кромку и черная...

– Разденьте просящего по пояс и оставьте одного.

– Но как? – возмутился Дехар, понимая, что беспамятный милорд самостоятельно на ногах не удержится. Рухнет рядом или, еще хуже, в колодец.

– Чужим рядом с колодцем не место. Он может наказать за непочтение, – предчувствуя, что небоходы заупрямятся, оракул добавил. – Пеняйте на себя.

И тут же затянул обрядовую песнь. Мол, я предупредил. А дальше уж ваше дело, слушаться или забирать своего князя и ступать домой.

– Я останусь. Мы с милордом так долго вместе, что сделались родными. Идите, идите, – тир Пикарт махнул своим рукой. Так обычно птиц гоняют. «Кыш–кыш!». Микуш вцепился в рукав, чтобы увести деда с собой. Он боялся за него. Но тот погладил мальчишку по голове и подтолкнул в спину. – Иди. Ничего со мной не случится. А если и случится, то я свое отжил.

Улыбнувшись внуку, небоход присел на краешек каменного кольца. Сил хватило подтянуть князя так, чтобы его голова висела над колодцем, а грудь лежала на коленях старца. Ноги, как две длинные оглобли, растянулись на ковровой дорожке.

Как только сопровождающие удалились к лестнице, хор прислужников запел. После изматывающей прелюдии, во время которой храмовики закатывали глаза, тряслись в танце и падали ниц, оракул торжественно и с почтением вытащил из одежд небольшой футляр. Из него выскользнул нож – такой же старый и почерневший, как и колодец. Под речитатив непонятных слов, глава храма начал вырезать на плече князя сложный символ. Как только под острием выступили первые капли крови, оракул оборвал песнь на полуслове. Его рука дрогнула.

– Что-то не так? – тир Пикарт поднял глаза на храмовика, но тот не ответил, вернулся к ритуалу. Капли крови наполняли рисунок и одна за другой срывались в черную воду.

– Моды ворум, гаден ка–а–а–с–с–с, – с чувством проблеял хор прислужников, вторя слова за оракулом. Песнь поднялась к куполу, стукнулась о него и эхом понеслась вниз.

Тир Пикарт кожей почувствовал, как тугая волна ветра, наполненная свистящими звуками «ас–с–с», ударила о водную гладь колодца. Старик страшился смотреть в него, но не удержался. Вода перестала быть черной. Сделалась вдруг кристально прозрачной, искрящейся. Поблескивающей так, точно удерживали ее вовсе не почерневшие от старости стенки колодца, а грани хрустального кубка.

На его дне появилось женское лицо.

– Бездна меня побери, – прошептал старик, понимая, что видит истинную милорда. Так долго тот ее ждал, а теперь, когда колодец смилостивился, узреть не в состоянии. Что за беда!

Старик напрягся, чтобы как следует все рассмотреть. И обомлел. Нет, с самой девушкой князю повезло. В отличие от чересчур яркой Инхи, красота истинной не резала глаз. Нежная, кроткая. Такая любому мужчине пришлась бы по душе. Но вот одежда и все то, что окружало ее, было чуждо, незнакомо, удивительно.

Тир Пикарт как-то наблюдал финал присвоения истиной. Они с милордом стояли поодаль, у лестницы. Там, где сейчас ждут окончания ритуала небоходы. В тот день в храме было особеннолюдно. Прибыли два юных Корвенских принца, владыка степного Фаргота, которому так же долго не везло с колодцем, ну и Лерис – это был его одиннадцатый подход.

Запомнилось, как вскрикнул от радости владыка, как сунул в колодец сначала одну руку, потом другую и вытащил из воды женщину. Рыжеволосую красавицу.

– Говорили воздастся, вот и воздалось, – густой бас счастливец заглушил песенный вой прислужников. Фарготец бережно завернул в свой кафтан мокрую девушку, подхватил ее на руки и унес. Невеста пребывала в смятении, но улыбалась.

В Себатре каждая девица чуть ли не с рождения знала, что однажды, заглянув в реку, лужу или даже в стоячую болотную воду, ей может повезти увидеть отражение мужчины, тянувшего к ней руку. Не вложить свою в ответ никому в голову не пришло бы. Кто из красавиц откажется в одночасье сделаться невестой владыки или принца? Если даже существовал жених, то он оставался ни с чем. Разве можно поставить на одну ступень соседского парня и владыку? Если ты оказалась чей-то истинной, то, считай, крупно повезло. Не вернут родителям, какой бы ни была бестолковой.

Глава 4

Да, колодец любил удивить выбором.

– Давай, милый, протянем ей руку. Нельзя заставлять девушку ждать, – проворковал старик, высвобождая придавленную княжеским телом ладонь. Безвольная рука булькнула в воду, точно дохлая рыба.

– Хватайся, хватайся, – шептал Пикарт, молясь, чтобы девушка ответила на призыв. Спящему князю суженую не удержать, но для чего тогда старый друг? Он поможет, подхватит и вытянет. Чего бы ему ни стоило. Успела даже мелькнуть мысль, как удивится милорд, когда, проснувшись, обнаружит рядом такую красавицу. Истинную, которую так долго ждал.

Но девушка и не думала протягивать руку. Она закричала от страха.

В ответ на ее крик вода в колодце замерзла. Она так стремительно покрылась снежной коркой, что тир Пикарт едва успел вытянуть руку князя из ледяного крошева.

– Что это было? – спросил старик у замершего с открытым ртом оракула. И только сейчас заметил, какая тишина воцарилась в храме.

Оракул опомнился. Закрыл рот и сделал скорбное выражение лица, а у самого подводка на левом глазу размазалась и потекла, оставляя черный след на белой щеке.

Старый небоход сразу смекнул, что случай выдался особый. Наблюдая, как колодец промерзает до дна, оракул обескураженно тер висок, пачкая черным и вторую половину лица.

Подбежали взволнованные тир Дехар с сыном, молча подхватили князя, его одежду и поволокли на скамейку. Все расспросы потом. Нужно как можно быстрее убираться из этого странного места.

Старик с трудом поднялся. Ноги не разгибались. Испуганный Микуш вцепился в дедовскую ладонь.

– Что все-таки здесь произошло? – старик посмотрел на главу храма, который по долгу службы обязан был знать, что творится с магическим артефактом.

Оракул с вызовом выпятил подбородок. Однако дернувшийся кадык выдал его волнение.

– Я предупреждал, что князь у колодца должен остаться один. Вина полностью на вас.

– Что же теперь делать? – тир Пикарт пребывал в растерянности. Хотели помочь, а еще больше навредили. Ни истинную не вытащили, ни описать не смогут, где ее искать.

– Я умываю руки, – оракул пожал плечами и направился к одной из ниш храма. – Я сделал все, что мог.

Расстроенный старик обернулся. Вода в каменном кольце вновь почернела. Занятый своими думами, капитан не заметил, что оракул далеко не ушел. Спрятавшись в тени, наблюдал за небоходами. Губы храмовика кривились в ухмылке. Оскал на испачканном краской лице смотрелся зловеще. Теперь все враги Небесного княжества будут знать, что дни летающих островов сочтены. Не найдет князь истинную, оказавшуюся жительницей чужого мира, а значит, никогда не обзаведется наследником.

«Сколько небоходы живут? Лет двести пятьдесят от силы? А если несчастный случай?» Оракул надеялся, что еще увидит, как острова рухнут на сушу.

Ева забралась на переднее место внедорожника. Старалась взять себя в руки, но ее потряхивало. От пережитого страха, от последующего бегства из кафе. Видя ее состояние, Максим сам пристегнул ремень безопасности. Его рука, вытягивая ленту, коснулась груди, что заставило девушку вздрогнуть.

– Ты напряжена, – произнес Макс, выезжая со стоянки.

– Отвези меня в универ, – вдруг попросила Ева. Она находилась в смятении. Только сейчас, когда мысленно приготовилась поделиться с Максимом о том, что видела на дне ста-

кана, поняла, что ее лепет будет похож на бред сумасшедшего. Все было слишком странно и нереально.

– В университет? Ну уж нет. Своей истерикой ты испортила вечер, и теперь я вынужден думать, где нам поужинать. А я ведь заказал столик заранее.

Ева нахмурилась. Она испортила? Он опоздал, заставил ждать...

– С таким лицом тебя ни в один ресторан не пустят.

Ева в недоумении посмотрела на Макса.

– Какое у меня лицо?

Максим не ответил. Что-то решив, резко развернулся на ближайшем повороте.

Ева стукнулась плечом о дверь и зашипела. Место ушиба пульсировало.

– Прости. Я зол. Но ты сама виновата. Выдела бы себя. Бежала к двери с безумными глазами. Я уж решил, что за тобой гонится маньяк. А оказывается всего лишь разбила стакан. Неадекватная реакция на простую вещь.

Ева поправила волосы. Волна недовольства росла в ней. Она вновь потрогала плечо.

Макс остановил машину. Вздохнув, снял с себя пиджак и набросил невесте на плечи.

Тронувшись, хмыкнул.

– Ты, когда собиралась, не видела какая погода на улице?

Ну вот как объяснить, что вышла она из общаги три часа назад, чтобы навести красоту прежде всего для него? Тогда светило солнце. И еще час ждала в кафе. А курточка есть, только она совсем не подходит к платью, поэтому Ева ее сняла и спрятала в сумке. А потом и вовсе было не до утепления.

– Меня пугает твоя безответственность.

Последняя капля переполнила чашу терпения.

– Останови машину.

– И не подумаю.

– Я сейчас выпрыгну.

– Очередная истерика?

Ева решительно сняла кольцо. Камень оставил след на ладони, так сильно она сжимала пальцы в кулак. А ведь не замечала.

– Я не подхожу тебе. Прости.

Максим перестроился и припарковался у остановки. Плевать на нарушение, главное, успокоить нервную невесту.

– Что на тебя нашло? – он развернулся к ней всем телом. И не подумал взять кольцо.

– На меня?! Ты опоздал больше, чем на час. Я ждала, но ты даже не позвонил. Кто я для тебя?

– Но я же приехал. Надо было сделать заказ.

– Но как ты не понимаешь... – в бессилии Ева отвернулась к окну. А вдруг бы он не пришел?

– Вся истерика из-за денег? Хорошо, я усвоил. Открою специальный счет, положу некую сумму. Сколько тебе нужно, чтобы прилично одеться и не ограничивать себя в тратах?

– Нет, ты не понимаешь...

– Я, котенок, все понимаю, – его голос был нежен, но Ева продолжала упорствовать. Чертова застежка на ремне безопасности не поддавалась. Максим положил сверху свою ладонь. – Ты еще совсем маленькая. Даже с ремнем справиться не можешь. Так. Перестала дергаться. Успокоилась. Едем ко мне. Я сам приготовлю ужин.

Достав из кармана брюк носовой платок, Максим сунул его в руки плачущей Евы.

Как все глупо получилось. Как будто она специально устроила представление, чтобы выбить из жениха деньги.

– Если хочешь, после ужина сходим в кино. Сама выберешь фильм.

Ева молчала.

– Я хороший повар. Бабушка научила. Родителям было не до меня, они находились в вечных разъездах по заграницам.

Ева знала, что и сейчас родители Макса где-то в Эмиратах. Общий бизнес с арабами. Хорошо, что она не успела познакомиться с ними. Уверенность, что роман с Максом закончится свадьбой, ушла. Собственно, ее и до этого не было, но сейчас, когда Максим повел себя, как... Ева не могла подобрать слов. Вроде и проявлял заботу о ней, но через какое-то эмоциональное давление. Делал виноватой.

«Сложно. Как все сложно».

– Почему тебя назвали Евой? – Макс пытался отвлечь ее. – У остальных твоих братьев и сестер тоже библейские имена?

– Нет. Кирилл, Марина, Александра и Игорь. Я Ева потому, что первая.

– Я тоже первый. И единственный. И для тебя хочу стать первым и единственным.

Ева покраснела.

Внедорожник остановилась у многоэтажки. Максим обошел машину, открыл дверь и предложил Еве руку.

– Ну что ты? – заметив, что она так и зажимает в кулаке кольцо, Макс вытащил его и надел на ее палец. Улыбаясь, легко снял Еву с сиденья и, не отпустив, поцеловал. – Все будет хорошо, малыш, – прошептал в ее губы. – У нас все будет хорошо.

Поднимаясь в лифте, Максим продолжал целовать Еву.

– Я одержим тобой, – признался он. – И боюсь за тебя. Ты хрупкая. Нежная, – он провел ладонью по ее скуле, убрал закрывшие пол-лица волосы. – Я умираю, только представив, что тебя могут обидеть, а меня не будет рядом. Я еле сдержался, чтобы не сломать официанту руку, которую он протянул за деньгами.

Он так крепко прижал Еву к себе, что стало не хватать воздуха.

Двери лифта открылись, вошла женщина, ткнула кнопку и, поджав губы, устала на бесстыжих. Максим подмигнул ей и вывел Еву этажом выше.

Он много говорил. Словно чувствовал, замолчи хоть на минуту, и Ева скажет, что уходит.

Она уже была у Максима дома, поэтому более менее ориентировалась в двухэтажной квартире. Сидя на кухне, наблюдала за его ловкими движениями. Он снял галстук и закатал рукава рубашки. Ослепительно белой на загорелых руках. Максим ездил к родителям и вернулся отдохнувшим.

Напряжение потихоньку уходило. Ева откровенно любовалась своим женихом. Сильный подтянутый, красивый. Умный. Гораздо умнее ее. Он любит. И не скрывает своих чувств. Ни в объятиях, ни в поцелуях.

Ева повела плечами, вспоминая, как хрустели ее косточки, когда Макс жарко целовал. Обеспокоенно потрогала плечо, которое вновь ответило болью. Здорово приложилась.

К концу ужина печали прошли. Ева гнала от себя воспоминания. Сейчас, когда они, сидя в обнимку на диване, смеялись над комедией, все произошедшее в кафе и после казалось сном.

– Останешься у меня? – Максим спросил между прочим, не глядя в глаза. Он хотел, чтобы она осталась, Ева это видела, но покачала головой.

– Нет, завтра тест. Я должна подготовиться.

– Хорошо. Тогда собирайся.

Уже в общежитии, когда она тихо разделась и, пробежавшись от умывальника на цыпочках, чтобы не разбудить спящих соседок, нырнула в кровать, Ева вернула воспоминания воскресного вечера. К которому так тщательно готовилась и так бездарно провалила. Ну почему рядом с Максимом она чувствовала себя размазней? Лучшая студентка курса, староста, могущая пробить интересы группы у декана, вдруг превращалась в тряпку.

«Я не подхожу ему. Он сам это чувствует, поэтому и злится».

«Ты уже вернулась? Все хорошо?» – мама беспокоилась. Она знала, что у Евы появился парень на десять лет старше ее.

«Да, все отлично. Ложись спать, мама. Я в субботу вечером приеду».

Экран телефона погас. Ева закрыла глаза и повернулась на бок. Задев плечо, отозвавшаяся ноющей болью, зашипела и легла ровно. Мозг, отреагировав на боль, включил анализ прошедшего дня.

Отмахнувшись от видений на дне стакана, которые явились следствием того, что «забытая невеста» перенервничала (в игры разума Ева верила), она принялась поедать себя.

«На самом деле, чего я взбрыкнула? Максим мужчина, лидер, у него престижная работа, и ему неприятно, что я спасовала перед каким-то официантом. Я сама виновата, надо было позвонить ему и перенести встречу на другой день. И в будущем назначать свидания на безопасной территории, где на меня не посмотрят косо, а я не испытаю чувство неловкости. Я сама веду себя как тряпка, а потом возмущаюсь и швыряюсь кольцом. стыдно».

Ева повернулась на другой бок.

– Чего ты вертишься? – соседка оторвала голову от подушки.

– Плечо болит. Ударилась.

– А.

Максим классный.

Ева вспомнила, как легко, можно даже сказать, грациозно, он передвигался по кухне. Выверенные движения. Никаких масляных брызг и грязных тарелок. Папа, если принимался готовить, оставлял после себя черную плиту и кучу использованной посуды. Даже стены приходилось оттирать. «Я творю, – говорил он. – А творец не видит границ».

Максим сильный и красивый. Он и в постели будет грациозным зверем.

Ева потрогала губы, перевела руку на грудь, сжала ее.

«Я одержим тобой», – вспомнились слова Максима. Он хотел ее, но не тронул. Ева помнила, каких сил им стоило оторваться друг от друга.

Еще этот разговор о родителях.

– Когда ты нас познакомишь?

Все говорит о серьезности его намерений. Третий месяц как начали встречаться, а уже кольцо на пальце.

– Хочешь получить благословение?

– Я хочу получить тебя.

Сон пришел неожиданно. Ева улыбалась.

Утром еле встала.

– Господи, что с тобой? – Ксюша осторожно потрогала пальчиком плечо. Ева и сама скривилась, когда поправляла лямку лифчика.

– Ударилась вчера в машине.

– А выглядит так, будто тебя отхлестали крапивой.

Ева повертелась перед зеркалом, но рассмотреть толком не сумела.

– Давай сфотографирую, – подруга щелкнула камерой телефона.

– Может, след от дверной ручки? – обе склонились над снимком. Пятно на пятне. Все покраснело и припухло.

– Где ручка, а где плечо. Нет, это что-то другое.

– Если сощуриться, – Ксюша пальцами растянула внешние уголки глаз, – то можно подумать, что тебя заклемили. Ну, как коров клеймят в деревне.

– Фу! – Ева вернула лямку на место и принялась застегивать кофточку.

– Или ты не заметила и придавила осу на стекле. Аллергия на насекомых есть?

Ева отправила фото отцу. Как всякий опытный врач, он написал: «Пока ничего страшного не вижу. Будем наблюдать».

Мама отреагировала более рационально: «Выпей на ночь какой-нибудь антигистаминный препарат».

На следующее утро плечо не беспокоило, и Ева о нем забыла.

Насыщенная неделя отвлекла от тревожных мыслей. Было чем заняться. Учеба и вечеринка в честь дня рождения Ксюши, где парни и девчонки из общежития и сама Ева натапцелились от души. Свидания с Максом, который не проявлял и толики недовольства ею, словно стер тот неудачный вечер из памяти.

Дни летели, приближалась суббота, которую Ева ждала с замиранием сердца. Макс собирался сам отвезти ее в поселок. А она родителей не предупредила.

Он еще в понедельник вручил ей карточку. Ева попыталась отказаться, но потом решила взять, чтобы не обидеть. И спрятать подальше. Скоро стипендия, еще мама обещала денег подкинуть на новую куртку. Как-нибудь выкрутится.

О помешательстве в кафе с незнакомцем в стакане Ева думать себе запретила. Сбой матрицы. Ей бы с текущими делами разобраться.

– Знаешь, я, наверное, останусь в городе. Столько долгов по учебе накопилось!

– Малыш, в чем дело? – они встретились в субботу вечером. Макс подждал ее у общежития. На улице было сыро и ветрено.

– Устала, трудная была неделя. А дома народа полно, – Ева крутила ручку сумки. Они сидели во внедорожнике. – Все кричат, спорят, огрызаются. Шумная семейка.

– Ты не хочешь, чтобы мы познакомились?

– Что ты! Просто давай в другой раз.

– Устала, говоришь? – Максим завел машину. – Что ж, поехали ко мне. Там тихо. Выспишься.

Отказать Ева не посмела. Макс все делает ради нее, а она кочевряжится.

– Я только сбегаю за сменными вещами, ладно?

– Не надо. Я дам тебе свою майку.

Максим был высоким, и любая майка была бы ей по колено.

Уже у него дома, после легкого ужина, заказанного из ресторана, Ева совсем расслабилась. Они сидели на диване и беспечно болтали. Глядя на Максима, такого простого и близкого в домашней одежде, Ева чувствовала умиротворение. Когда они поженятся, все их вечера будут проходить именно так. Легко и спокойно. А потом она родит Максиму сына, точную его копию. Такого же темноволосого и зеленоглазого. Сильного и умного малыша.

Ева не заметила, как беседа съехала на неловкую для нее тему.

– Разве я не понимаю, – Макс накручивал на палец ее локон, – почему ты отказалась ехать к своим. Стесняешься своей семьи. Напрасно. Если я полюбил тебя, то и их приму.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

Ночь, свечи отбрасывали неяркий свет. Тихо играла музыка.

Поцелуи становились все настойчивее. Рука Макса скользила по плечу, оттягивая слишком широкий ворот майки. Еще чуть и Ева останется топлес. Она разорвала поцелуй и, вернув майку на место, шустрой белкой передвинулась на другой конец дивана.

Макс вопрошающе поднял бровь.

– После свадьбы? Ева, ты так старомодна?

– Если бы знала, что ты покусишься на мою девичью честь, не согласилась бы «отдохнуть», – она нарисовала в воздухе скобки, – у тебя.

– Еще скажи, мы мало знакомы для взрослых игр.

– Это тоже.

Макс с тигриным рыком бросился на нее. Подмял под себя, защекотал. Ева смеялась и выворачивалась из его рук. Высвобождалась, но снова попадала в крепкие объятия. Боролась,

выгибалась и... не заметила, как осталась без майки. В попытке сбежать, была остановлена и прижата спиной к телу Максима.

Возбужденные игрой они тяжело дышали.

Веселье закончилось в один момент.

– Ева, что это? – голос Макса замораживал. – Кто тебе разрешил портить свое тело?

– Боже, что там? – Ева тянула шею, но не видела то место, куда указывал Максим.

– Татуировка.

– Тату?! Откуда ей взяться?

– Вот и я спрашиваю, – больно взяв Еву за локоть, Макс повел ее в свою шикарную ванную комнату. Зеркало для бритья легло в дрожащие руки Евы. Включив подсветку, Максим развернул невесту спиной к большому зеркалу.

– Смотри.

Ева ахнула.

Глава 5

Не веря своим глазам, Ева потрогала странный каббалистический знак, неизвестно откуда взявшийся на плече. На ощупь кожа была совершенно гладкой.

– Мамочки, что это?!

– И сколько ты выпила на вечеринке Ксении?

– Ну... – Ева так растерялась, что никак не могла сообразить, что отвечать. Она терла и терла рисунок, все еще надеясь, что это простая наклейка.

– Все такая же безголовая, – произнес Максим и вышел из комнаты.

Ева побежала следом. Поскреблась в закрытую дверь спальни.

– Максим, это какое-то недоразумение! Сам подумай, татуировки не заживают за три дня. Это что-то другое.

– Нужно выпить до бесчувствия, чтобы позволить сотворить с собой подобное. Ты даже не знаешь, что означает рисунок.

– Я... Я не помню ничего такого. Вроде все было нормально. Да и не пили почти. Мы с Ксюшей не разлучались ни на минуту. Ну, если только во время медленного танца.

Максим ударил по двери кулаком.

Плача, Ева переоделась. Подумав немного, сняла злополучное кольцо и положила на стол у свечи. Вызвала такси и вышла на улицу. Она не могла оставаться в доме, где ее не хотят видеть.

В поселок приехала после полуночи. Родственники спали и, если бы не Драко – охранный пес, принявшийся от радости выть, так никто и не проснулся бы.

– Мам, только не говори о плече папе. Вообще никому не говори. Дай мне самой сначала разобраться.

О ссоре с Максимом, а тем более, о видении в кафе Ева не рассказала бы и под дулом пистолета. Слишком много волнующей информации для глубокой ночи. Да и для светлого дня ее чересчур.

Мама куталась в платок и поджимала пальцы босых ног. На улице разыгралась непогода, и дома как следует сквозило. Пора готовиться к зиме.

– Хорошо, я могла, – такая же как дочь улыбчивая, отчего на щеках появлялись милые ямочки, Лариса Петровна – завуч местной школы, нащупала ногой «убежавшие» тапочки и пошлепала в коридор. Вытащив из антресолей коробку со всякой всячиной, порылась в ней. Найдя лупу, сняла с вешалки фонарь.

– Повернись спиной. Лямку лифчика спусти. Я как следует рассмотрю. Вдруг там нехорошее слово написано.

– Мама! И ты туда же! Я бы запомнила, если бы мне на спине чертили.

– Тише. Разбудишь всех в доме, – шикнула мама. – Смотри-ка, переливается.

– Что переливается? – испугавшись, Ева обернулась.

– Каждая линия, если разглядывать в лупу, переливается. Так она синяя, а вот так, – Лариса Петровна повернула увеличительное стекло под другим углом, – зеленая. А если сбоку, то розовая. Чудно!

– В понедельник в тату-салон схожу. У мастеров есть каталоги, может, найду похожий рисунок.

– Слушай, а у тебя на неделе плечо болело. Не то самое?

Ева сделала большие глаза. А ведь точно!

– Мама, я, кажется, скоро с ума сойду.

До понедельника Ева сойти с ума не успела, хотя младшие братья и сестры вовсю старались.

В общаге прежде всего допросила Ксюшу, но та лишь громко ахала и цокала языком, терла тату спиртом и созывала на помощь подруг. Вскоре посмотреть на необычный феномен, оставшийся после аллергии, сбежалась вся общага. Фотографировали и отправляли картинку в поиск, но интернет тоже не помог.

В тату–салоне бородатый мастер, на чьем теле не осталось свободного места для творчества, фото рассматривать отказался.

– Яви в реале.

Реал озадачил не только бородача, но и всех его друзей. И приятелей друзей, которые получили видео. Ева чувствовала себя мартышкой в зоопарке.

– Номер оставь. Если что, звякну.

Жизнь на островах возвращалась в прежнее русло. Дехар, распрощавшись со старым капитаном и сыном, оставшимся служить на флагмане, еще раз навестил дочь. Вышел он из башни Глена удрученный. Ему предстоял разговор с супругой, должной быть готовой потерять дочь. Князь не простит глупую выходку Инхи. Убить не убьет, но высадит где–нибудь на суше, что равносильно смерти. Небоходы с трудом уживались на статичной тверди. Да и боящиеся неба их не жаловали. Извечное соперничество между имеющими крылья и ползающими на брюхе не давало народам сблизиться.

Виру–Виру, славящийся своими тучными стадами, прислав извинения в виде колбас и окороков, лег на прежний курс. Как и сам флагман. Их ждал крупный портовый город Соломож. Проблемы проблемами, а заправиться провизией и товарами, которые не производило княжество, не мешало бы.

Инха вела себя тихо, но ровно до тех пор, пока не выведала у охранника, что небоходы вернулись от оракула в прежнем составе. Вспышки ее торжествующего смеха, разносящегося по гулкой башне и слышные в любом уголке крепости, заставляли вздрагивать.

– И на что девка надеется? – вопрошал себя тир Пикарт и задумчиво кусал мундштук трубки.

Всю неделю старик думал, как преподнести князю, что операцию с колодцем они провалили. Ходил в покои, садился рядом с кроватью и начинал беседовать, объяснять, оправдываться, но лорд не слышал. Лежал бревном.

Князь пришел в себя на целые сутки раньше ожидаемого срока. Потянулся и попытался встать, но едва не упал на пол. Хорошо, что старый капитан был рядом.

– Тише–тише, все хорошо, – тир Пикарт успокаивающе похлопал лорда по плечу. Другой рукой сделал нетерпеливый жест, требуя, чтобы слуги подали воды.

– Что? Что такое? – голос милорда не слушался.

– Попейте. Смочите горло.

Народ засуелся. Кто–то погнал на кухню, чтобы принести бульон, кто–то готовил ванну с укрепляющими травами.

Беготня князя удивила.

– Что случилось?

Ему не ответили, что опять–таки заставило напрячься и искать того, кто даст разъяснения. Повозив рукой по постели рядом с собой, Лерис нахмурился.

– Где Инха? Позовите ее.

– Инха прийти не может, – старик вздохнул и отвел глаза. Ему не понравилось, что князь вспомнил о любовнице. Привязался, значит, к ней сильнее, чем думалось. И вот как теперь объясняться?

– Я велю, – Лерис уже злился.

– Погодите сверкать глазами, милорд. Вам бы к мовилу сходить. Пока вы спали, он перевернулся. Остров крепко трянуло.

– А почему я не почувствовал?

Старый капитан отвернулся к окну.

– Да что тут вообще происходит?!

– Сходите к мовилу, – тир Пикарт низко поклонился, и это удивило князя еще больше.

– Ладно, схожу.

Мовил для лорда был важнее любой девки. Старый небоход специально напомнил о нем. Единение князя и древнего существа работало благодатно для обеих сторон. Мовилы жили благодаря крови Птородеев, но и Птородеи черпали полной ладонью из их магического источника. Сейчас для возвращения сил князю требовались не супы и отвары, а визит в подземелье. Там он придет в себя, там же откроет то, чего не знал.

Лорд заставил себя подняться, но комната отчего-то зашаталась. Пришлось схватиться за стену.

– Бездна меня подери!

Прибежавший Сталко тут же подставил плечо под руку князя. Высокий в отца, но еще слишком юный, чтобы в одиночку удержать взрослого мужчину, он побагровел лицом.

– Я провожу, милорд.

Гордый лорд оттолкнул унижительную для себя помощь. И спрашивать больше не стал, что с ним творится. Сам разберется, правильно сказал старик.

Так и дошел нетвердым шагом до двери, ведущей из покоев прямоком в логово мовила.

Как только Лерис скрылся в проходе, тир Пикарт в изнеможении опустился в кресло. Пройдет совсем немного времени, князь придет в себя и потребует доклада. Как бы не порушил все вокруг, узнав, какой сегодня день. Понятно же, что ничего не помнит.

У мовила было тепло и душно. Кристаллики соли на стенах пещеры слабо светились. Наполненный влагой воздух моментально заставил рубашку липнуть к телу. Князь снял ее, воглюю, с трудом. Бездну времени потратил, чтобы вытянуть руки из рукавов. Штаны тоже сопротивлялись, лорд их едва не порвал. От нетерпения и слабости. И от злости, что слаб. Но зато как сделалось легко, когда на теле не осталось тряпок. Лерис предвкушающе улыбнулся и нырнул в теплую воду подземного озера. Сделав с дюжину махов руками, уткнулся головой в лежащего мовила. Тот, узнав, заурчал. По воде пошла рябь, и тысячи разноцветных искорок заплясали на мелких волнах.

– Здравствуй, родная! – князь погладил влажный бок магического существа. Тайна из тайн. Никто из небоходов не догадывался, что мовилы не бесполое. На флагманском острове жила самка. Птородеи называли ее Матерью всех мовилов. Мать древняя, но еще сильная. Ее «сыновья» безропотно подчинялись ей. Она умела говорить с ними, даже если их острова находились на другом конце мира. Когда-то «мальчиков» было больше двадцати, а теперь осталось всего семь.

Люди жестоки и глупы. Осваивая летающие острова, они вели себя подобно дикарям. Находя вход в пещеру, беспощадно расправлялись с сидящим там монстром, не понимая, что только благодаря ему умеют летать. И погибали вместе с островом.

Предки рода Птородеев сумели приручить мовилов, а когда поняли, что те разумны, побратались с ними. Магия связала их так крепко, что зверь и человек уже не могли существовать друг без друга.

– Говорят, ты плохо себя вела?

Мовил издал вздох похожий на стон, и Лерис понял, как испугалась Мать.

– За меня? Ты боялась за меня? Но с чего?

Лерис не увидел, почувствовал, как сжалось ее сердце, когда он бездыханный упал на подушки. Мать, страдая по кровному брату, пыталась вырваться из оцепенения, но не смогла. Неловко перевернувшись на другой бок, подняла лишь волну и заставила озеро выплеснуться.

– Думала, меня отравили?

Мовил утробно рыкнул.

– Но я просто спал. Видишь, я цел и невредим.

Сказал «видишь» и засмеялся. Мовилы были слепы, но могли видеть мир его глазами. Конечно, матери и сыновьям сделалось страшно, когда Лерис вдруг потерял сознание. Отсюда и волнение. Но поняв, что брат жив, успокоились и приготовились ждать.

– Но кому понадобилось усыпить меня?

Мовил вновь рыкнул. По воде пошла рябь. Словно он был недоволен недогадливостью друга.

Лерис закрыл глаза, чтобы вспомнить, кого видел рядом перед тем уплыть в мир снов.

Инха поднесла ему кубок с вином. Голая, только что вкусившая наслаждение. Испарина мелким бисером блестела в ложбинке между полушариями крепкой груди.

– В последний раз, – произнесла она, слизав с его губ капельки вина. – Завтра ты можешь вернуться от оракула с другой.

Князь открыл глаза.

– Какое сегодня число?!

Мать ответить не могла. Мовилы не мыслят такими понятиями как дата или время года. У них в запасе всегда вечность. Странные и непонятные для простого человека существа.

Как-то в одном из восточных городов Лерис купил необыкновенной красоты шелк. Ткань переливалась, была легка и приятна на ощупь. Словно кожа юной девы.

Заинтересовавшись, Лерис посетил местную мастерскую, где тысячи коконов шелкопряда, похожих на мохнатые клубочки, плавали в воде. Только так можно было размотать тончайшую нить. Старый мастер показал гостю все стадии сотворения чуда, начинающегося с мелкой личинки и завершающегося рождением бабочки. Самка отложит яйца, чтобы продолжить бесконечный процесс возрождения. Именно тогда Лерис заметил пугающую схожесть со своим княжеством.

Для молодого лорда Птородея было откровением, что мевисы напоминают куколок шелкопряда, а острова – их коконы. Увидев, как, прогрызая путь на свободу, из кокона выбирается бабочка, князь содрогнулся.

Прошло много лет, но его так и не отпустил страх, что однажды и его «куколка» превратится в бабочку и выберется на свет, разрушив их общий дом. Вот поэтому Лериса тревожило, когда мевисы начинали двигаться, а тем более переворачиваться. Он успокаивал себя тем, что между тварями из восточной мастерской и его мевисами существуют отличия. И самое важное из них: коконы шелкопряда не способны летать, а его острова летают.

Быстро одевшись, Лерис направился в рубку. Смутное подозрение, что он проспал слишком долго, обрело доказанную реальность. Тут не надо было гадать, какое сегодня число. Остров висел над оживленным городом, но на его горизонте не видны были острые шпили храма оракула.

– Где мы находимся? – спросил только для того, чтобы утвердиться в своей правоте.

Дежурный, поняв, кто посетил пост, вскочил с места. Он не смог скрыть радость.

– Четвертые сутки висим над Соломожем, милорд, – звонко отрапортовал небоход.

– Проклятье!

Путь Лериса лежал к смотровой площадке, где его поджидал замирающий от беспокойства капитан. Тот видел порывистость движений князя. Желая добраться до цели как можно быстрее, Лерис пренебрегал тропинками с ограждающими канатами. Пер напрямик, перепрыгивая с мостика на мостик.

Тир Пикарт втянул голову в плечи и полез в карман за трубкой. Сжав ее в кулаке, почувствовал себя увереннее.

– Рассказывай.

Князь после забега дышал тяжело. Его ноздри раздувались, глаза хищно шурились, а все тело выражало готовность прыгнуть и придушить жертву.

– Сынок, не пугай старика. Не дай боги сердце остановится, и тогда ты никогда не узнаешь, как выглядит твоя истинная. Я один из живущих в этом мире видел ее.

– Не понял?

– А как понять, если мы тебя, бездыханного, на закорках в храм втащили и все как полагается по ритуалу выполнили.

– Не понял? – князь недоверчиво склонил голову к плечу. Он смотрел на старика так, точно тот вдруг повредился умом.

Тир Пикарт набрал в грудь воздуха, готовясь махом выложить все то, что случилось пять дней назад.

– Положили вас, милорд, у колодца. Думали, главное, что на зов явился. В следующий раз не откажут, пригласят в храм. А хитрый артефакт возьми и яви облик девы. Я руку–то вашу в воду булькнул, но суженая вдруг кричать принялась. Не иначе подумала, что ей мертвец на тот свет отправиться предлагает. Глаза–то ваши были закрыты, – старик не выдержал, сунул трубку в рот. Правильно говорит супружница, для него трубка словно соска для младенца. Вмиг успокаивает.

– Вытащили или нет нареченную? – князь перебил. Ему не терпелось услышать итог.

– Нет. Колодец вдруг льдом зарос, еле вашу руку успел спасти.

Лерис скрипнул зубами.

– Знал, что это был мой последний шанс?

– Знал, – капитан отвел глаза в сторону. Не хотел видеть, как боль разочарования и невозможности что–либо исправить скручивает лорда. – Но уверен, надежда осталась. Потому как... – и замолчал, думая, как преподнести новость, которая может как обнадежить, так и привести в иступление.

Лорд схватил старика за плечи. Тряхнул, едва не оторвав голову. Треуголка слетела и, подхваченная ветром, поскакала по площадке.

– Говори!

– Помнится во все прошлые разы символы, начерченные оракулом на вашей спине, за пару дней проходили. А тут все иначе. Прошла чуть ли не неделя, а клеймо делается не только ярче, но и... шире. Точно его продолжают рисовать. Я самолично каждое утро его границы замерял.

– Это значит, что колодец обручил нас по всем правилам.

– В том и дело. Остается только отыскать истинную. А уж потом она от вас никуда не денется.

Дежурный в рубке с удивлением смотрел, как князь раздевается перед капитаном, а потом вертится, силясь рассмотреть замысловатый рисунок на плече.

Когда не получилось, гаркнул так, что оба небохода, наблюдающие за полуголым князем, вздрогнули:

– Позвать сюда Сталко!

На Рубе все знали, что сын капитана Виру–Виру отменный художник. Старик даже пожалел, что вызвался остаться у колодца он, а не юное дарование. Сейчас намалевал бы портрет княжеской суженой и не пришлось бы объяснять, что волос у нее длинные, а грудь, к–хм, колесом.

Сталко явился незамедлительно. Летел так же, как и сам князь, пренебрегая страховочными канатами и проложенными тропами.

– Повторить сможешь? – Лерис повернулся спиной к мальчишке.

– Так точно.

– Идем, – не оборачиваясь на брошенную одежду, князь направился в сторону библиотеки. Там есть все, что поможет определить, кем является его суженая.

Старик не припустился вдогонку. Все равно не поспел бы за молодыми. Собрал вещи и пошаркал следом.

К тому времени, когда он добрался до библиотеки, Сталко уже закончил рисунок, и князь внимательно его рассматривал. Потом, сорвавшись с места, полез на полки. Нужные книги вытаскивал и в нетерпении скидывал вниз. Юный небоход их подбирал, укладывал в стопку и сносил к столу.

Тир Пикарт пристроился на одном из стульев и, сунув трубку в рот, наблюдал, как растет гора фолиантов, многие из которых были написаны на языках многонациональной Себатры.

Глава 6

Через час листания фолиантов и невнятного бормотания на всевозможных языках, небесный лорд поднял голову. Нет, на его лице не сияло радостное возбуждение, как того ожидали невольные свидетели княжеских метаний. Наоборот, Лерис сделался хмур.

– Итак, – он ткнул пальцем в закорючку, являющуюся частью клейма, – ее зовут Ева.

Оба небохода, боявшиеся все это время издать хоть звук, кивнули. Они застыли в предвкушении, что сейчас им откроется тайна рисунка, ведь закорючка на нем была не одна, но лорд захлопнул книгу. Звякнул замочками фолианта и произнес:

– На этом все.

– Как все? – Сталко непонимающе оглядел помятый листок. – Тут столько всяких узоров. Неужели они дают только имя?

– Нет, – князь устало откинулся на спинку стула. – Не только имя, но и многое другое. Вот например, вы когда-нибудь задумывались, почему истинная, из какого бы края она ни пришла, чисто говорит на языке мужа?

Небоходы отрицательно помотали головами. Откуда им знать? Среди них лишь князь удостоился приглашения к оракулу. Тир Пикарт добыл жену вовсе не в колодце, а самолично выкрал из отчего дома. Небоходы частенько воровали женщин у боящихся неба. Еще одна причина, почему их не любили. Но у островитян был свой резон – нельзя бесконечно жениться на обитателях княжества. Как бы их ни была велика популяция, нужно время от времени обновлять кровь. Сталко же вовсе не знал любви, а потому даже не задумывался, на каком языке будет говорить его будущая жена.

– Как тогда она догадалась, какой язык следует выучить? – князь небрежно, с долей досады отодвинул последнюю из изучаемых книг. – Стран в Себатре, не считая мелких княжеств, около ста пятидесяти. И везде свой язык или наречие. А суженая начинает говорить, как по писанному.

– И отчего же, милорд? – глаза Сталко горели. Когда бы еще пришлось услышать, как творит магию древний артефакт.

– Магическая стигма несет в себе все необходимые знания. Оракул лишь делает пометки на коже, точно прокладывает канву, а остальное дорисовывает магия колодца.

– Стигма... – завороченно произнес незнакомое слово юный небоход.

Старик легонько пнул мальчишку, чтобы тот не забывался и не перебивал лорда.

– Стоит избранной колодцем женщине попасть в общество, говорящее на другом языке, как в ней просыпается способность понимать чужую речь. Свободно общаться не только устно, но и письменно. То же самое происходит и с женихом. Стигма делает его сведущим.

– И вы не нашли язык, который вдруг сделался для вас понятным? – старик и не сомневался, что князь не найдет. Видел, что на столе собираются книги на разных языках, но даже не подумал останавливать изыскательский порыв милорда. Тот не поверил бы, пока не перекопал бы все источники. Теперь можно и повиниться.

– У меня была надежда, что я уже знаю язык невесты. Я владею восьмью основными языками Себатыры, не считая их наречий. Но, но нет. Ни один из них не слышался мне как родной. Отсюда вывод, Ева не живет в нашем мире.

– А где же она живет? – Сталко выпучил глаза. Для него стало невероятным открытием, что мир не ограничивается Себатрой.

– В одном из чужих миров.

– А их сколько? – пытливый юношеский ум не давал покоя.

– Сколько звезд на небе.

– И как же вы найдете Еву?

– А в этом мне поможет тир Пикарт. Неправда ли, капитан? – взгляд переместился на старика, и тот, вздохнув, вытащил трубку изо рта.

– Чистая правда. Ваша истинная не живет в нашем мире. Но я ума не приложу, как вы сможете ее отыскать.

– Расскажи, какая она?

– Красивая, – капитан поймал, как выдохнул князь на этом слове. Не знает, где найти, а уже переживает, не досталась ли ему дурнушка. Оно и понятно, жить с той, что придется не по душе, тяжело. Это как навязанный брак. Терпеть рядом за столом сложно, не то что ложиться в кровать... Нет, тут точно не любовь. Старик сочувствовал тем, кто вынужден получать женщину через колодец. Тут даже раскрасавица может сделаться нежеланной. – Светловолосая и... – тир Пикарто не знал, что еще сказать. – Не толстая вроде. А за ней люди в странных одеждах. И какие-то механизмы. Что-то шипит. Музыка играет не наша. Другая. Непонятная. Мне жаль, милорд, что колодец подсунул вам неизвестно кого.

– Как подсунул, так и ответит за то, что явил.

Князь понялся, одернул ворот рубашки. Так и не оделся толком, торопясь выяснить, что случилось, пока он спал.

– Сталко, направляйся в рубку. Пусть объявят, что к утру все должны прибыть на остров. Ровно в полдень Руб возвращается в Арматорию.

Когда юный небоход убежал, Лерис перевел взгляд на старика.

– Куда ты дел Инху?

Тот аж запнулся. Собирался улизнуть от ответа, но старость не позволила быть таким же расторопным, как Сталко. Пришлось открыться, что бывшая любовница князя томится в темнице.

Услышав о том, Лерис тут же направился к башне Тлена.

– Не ходи за мной, – остановил он старика. – Все, что могли, вы уже сделали.

– Будьте осторожны, мой лорд. Инха уже не та, что была прежде. В ее глазах поселилось безумие, – попытался предостеречь тир Пикарт, но Лерис уже покинул библиотеку. – Скор ты на расправу, князь. А мы ведь хотели как лучше.

Идя по гулкому двору, Лерис прислушивался к окружающим его звукам. Едва слышно гудел мовил. Показалось или нет, что к привычным ноткам его песни прибавилась радость? Неужели почувствовал, что жизнь его брата скоро изменится? Появится хозяйка, а потом и дети. Дети... Князь тряхнул головой, отгоняя тревожные мысли. Обязательно найдет, и обязательно появятся.

На крепостной стене перекрикивались часовые – время смены поста. Даже будучи в небе, стража не оставляла службу. Дисциплина не раз выручала. Особенно тогда, когда под княжеством находился крупный торговый порт, где мошенников пруд пруди. Чужие на острове не нужны.

Трещали лебедки, поднимающие клетки с закупленным товаром. Только с этой стороны острова их было шесть. Ржали лошади, так и не привыкшие к высоте. Им завязывали глаза, чтобы от испуга гривастые не разнесли клеть. Островитяне возвращались. Руб снимется с места один, оставив остальные острова завершить покупки.

«Сколько понадобится времени в Арматории, чтобы уладить проблему? День? Неделя? Месяц?» – спрашивал себя Лерис.

Чужеземка в мыслях князя была именно проблемой. Он столько ждал встречи с ней, а теперь не рад. Винил ее за то, что не протянула руку. Досадовал, что колодец выбрал неподходящий момента. Оракула же вовсе ругал последними словами. Его князь всегда недолюбливал. Чувствовал гнилую душонку, а доказать подлость храмовика не мог. Надеялся, что однажды забудет и о нем, и о храме. А оно вон как вышло. Сейчас сам на поклон пойдет. От этого становилось еще мутнее.

Князь до боли сжал зубы. Не понимал, почему боги так на него обозлились. За что ему такое наказание? Простое действие превратилось в испытание. Одно дело протянуть руку и вытащить ту, что дарована судьбой. Пусть даже дар не придется по душе. Совсем другое застрять у колодца на неопределенный срок, пытаясь поймать призрачную деву.

Дева. Лерис усмехнулся. Какая она? Понравится ли ему? А он ей? Если нет, придется ломать. И ее, и себя. Спать с женщиной можно и с закрытыми глазами. Дети – вот что требовалось от нее прежде всего. Приложится любовь – счастье, нет – и с этим живут. Мало кто из владык верен своей истинной, сонм любовниц тому доказательство. Это только в легендах протягивающие друг другу руки больше никогда не разрывали дарованную магией связь. Смотрели в глаза с нежностью и бесконечной любовью. Ушли те благодатные дни, забылись легенды, осталась лишь повинность. Откажешься от зова, не видать тебе детей. Вот и все счастье. Любви уже никто не ищет.

«Как все не вовремя!»

Княжество прикупило две новые шахты в горах Старосвета, и их нужно начать разрабатывать еще до наступления зимы. На высоте она особо злая, остаться – обречь людей на гибель.

«Шахты – это дело. Они пополнят казну».

А как иначе? Все ради денег. На Агате и Кирде много обветшалых зданий. Такие только сносить. И строить новые, крепкие, по последнему слову техники. Система выпаривания воды тоже требует ремонта, иначе море княжеству не преодолеть. Юг будет заказан. Источники на Бондо трогать нельзя, они целебные. Да и не хватит той воды на всех.

Зимняя консервация старых шахт тоже отнимет и время, и средства.

Слава богам, денег на повседневную жизнь хватало. Острова сами себя обеспечивали основными продуктами, оставалось еще и на обмен. Чем сейчас и занимались люди с Виру–Виру, привезшие в Соломож бычков. Княжеская житница Агат умело торговала зерном и мукой. Оружейникам с Альбо и мастеровым с Годажа тоже было что предложить живущим на суше. Изделия Небесного княжества славились по всей Себатре.

Зиму острова проводили на юге, что и здесь обеспечивало небоходам значительное превосходство. Два, а то и три урожая в год – кому из боящихся неба такое под силу?

– Он мой! Мой!!! – крик встревожил Лериса. Заставил озираться, ища источник.

– Инха! – князь кинулся к лестнице башни Тлена. Едва дождался, когда тюремщик откроет замки. Распахнул дверь и задохнулся. Неужели цветущая девушка за шесть дней могла превратиться в старуху? Или то вовсе не морщины, а подтеки грязи, смешанные с кровью? Сквозь дыры намеренно разодранной рубашки просвечивало нагое тело. Тело, которое он так любил.

– Инха...

Она, легкая, как пушинка, кинулась к нему на руки, обняла лицо ладонями, принялась целовать.

Князь так и вышел с ней на руках. Прошел в свои покои, вызвал служанок, приказывая искупать. Еле отодрал от себя пальцы девушки, не желающей хоть на миг расставаться с любимым.

– Что же ты так, Инха...

Когда искупанная, причесанная она вошла к нему в спальню и еще у порога скинула с себя простыню, Лерис тяжело вздохнул.

– Иди одевайся. Я вызвал твоего отца. Он уже здесь.

Инха скорбно свела брови. Помотала головой, не веря, что с ней так легко можно расстаться. Хотела было кинуться к Лерису, чтобы зацеловать, ласками напомнить, как хорошо им было вместе, но он так нее посмотрел, что ноги сами запнулись. Силы покинули девушку.

– Я всего лишь хотела быть с тобой, – Инха опустила на ковер, ее влажные глаза искали сочувствия на лице князя, искры той любви, которая их объединяла, но он только крепче сжал

зубы. Тут Инха поняла, что не простит. – Что ждет меня? Суша? Или ты приказал отцу убить дочь?

– Будешь жить на Виру–Виру. Сходить с него запрещено до конца твоих дней. И не попадайся, пожалуйста, мне на глаза. Убью.

Инху уже поджидали. Двое подняли ее с пола и увели. Она оглядывалась, тая надежду, но князь упорно смотрел в окно.

– Артистка, однако, – произнес вошедший в комнату тир Пикарт. – Без вас умалишенную изображала, а сейчас, вижу, вполне разумна. На что только бабы не идут, лишь бы мужика рядом удержать. Ведь жалко вам ее стало? Жалко?

Лерис поднялся. Старику пришлось задрать голову. Вроде и не сильно выше его был лорд, но умел показать себя во всей княжеской стати.

– Еще раз женщину закроешь в башне Тлена, самого туда поселю. Вместе со старухой, – произнес и вышел.

Князь до ночи стоял на смотровой площадке. Подставлял лицо ветру. Никто не смел его тревожить. Все слышали, как кричала Инха, когда ее спускали в клетки. Хоть и пожалел милорд, все равно ее жизни не позавидуешь. Будет сидеть безвылазно на Виру–Виру. И замуж не возьмут. Даже притронуться не посмеют. И детей ей не родить. Это ли не худшее из худших наказаний? Сто лет одиночества.

– По курсу Арматория.

Князь вышел уже одетый. Проследовал в рубку. Полюбовавшись искрами, рождаемыми солнцем на остроконечных крышах святой обители, велел старшему небоходу:

– Зависни над храмом.

– Надо будет подняться выше, иначе снесем к демонам звезды на шпильях.

– Пусть оракул знает, что я вернулся.

– Почешем Рубу брюшко? – повеселел дежурный.

– Без моего приказа не сдвигаться ни на палец.

Выйдя из рубки, князь решительным шагом проследовал к шахте, что насквозь пробуривала остров. Там уже поджидали спутники, сопровождавшие его в предыдущий поход в храм, исключая только капитана Виру–Виру. Тот был занят дочерью.

– Ждите сигнала, – велел лорд, осматривая свой небольшой отряд. Малыш Микуш, поймав на себе тяжелый взгляд князя, сглотнул. – Если понадобится, пришлю ворона.

Сунув ногу в петлю, Лерис дернул за рычаг спускового механизма и улетел в открывшуюся дыру.

Во дворе храма, устланного такими же слепящими глаз мраморными плитами, собрались напуганные служки. Кто–то, задрав голову и жестикулируя руками, смотрел на остров, темной громадой нависший над белокаменной крепостью, а кто–то корячился в попытке поднять и унести в сторону сбитую днищем Руба звезду. Она была настолько велика, что и десятка человек не хватило. В итоге потащили волоком. От скребущего визга закладывало уши.

Явление князя, что летел по канату вниз, в своем черном плаще похожий на ворона, растопырившего крылья, восприняли со страхом. Прислужники расступились, а то и попрятались в глубоких стенных нишах.

Вытащив ногу из петли и убедившись, что та тут же взмыла вверх, лорд Птородей осмотрелся. Оракул все еще не появился на верху лестницы, где эхо подобострастно преумножало бы его голос до громоподобного. Не дождавшись приглашения или вразумительного приветствия от вжавшихся в стену людей, князь поспешил ко входу.

– Чем обязаны? – оракул спешил по коридору навстречу. По растрепанной одежде, которую глава храма на ходу поправлял, можно было судить, что появился Лерис весьма рано.

– Я пришел за своим.

– Вы упустили нареченную. Колодец не ответит. Он свою задачу выполнил, – без подведенных бровей и нарисованных стрелок оракул выглядел вполне себе обычным человеком. Бледным, некрасивым, незначительным.

– А это не вам решать, – князь дерзил нарочно. Только нахрапом можно было пробиться к древнему артефакту. Начни он с прошений, и оракул придумал бы тысячу причин, почему Лерису нельзя посетить святое место.

– Не наша вина, что вы были не в состоянии протянуть руку.

– А я еще раз попробую.

– Это нарушение! – оракул покраснел. На его лысине выступили капли пота. – Никто еще не тревожил колодец дважды. Он дал все ответы.

– Разве где-то записано, что просящий не имеет права повторно посетить артефакт? Если да, то покажите, и я, устыдившись, уйду. Если же нет, то уступите дорогу. Колодец тридцать лет играл со мной, пришла моя очередь.

– Он без крови не ответит!

– Пушу сколько потребуется. Пусть захлебнется.

– Я не дам ритуальный нож! Его нельзя применять после того, как стигма сформировалась. Она ведь сформировалась?

– Не слишком ли много оговорок на одно исключение? – Лерис резко остановился, и оракул не ожидавший того, врезался в княжескую спину. Небоход развернулся с таким лицом, что храмовик невольно отступил. – Или у вас всякий раз вода покрывается льдом?

– Ну... нет... подобное случилось впервые...

– Вот и я о чем. Раз что-то пошло не по правилам, не стоит надеяться на обычный ход событий.

– Но магия может наказать!

– А я попробую. Мне терять нечего.

Ставшая знакомой за столько раз посещения храма дорога вывела к нужному проходу. Оракул попытался остановить Птородея перед спуском, перекрыв путь своим телом, но не рассчитал сил. Князь переставил его в сторону, точно деревянную фигурку в игре «черные против белых».

Знакомый зал встретил крошечной тьмой. Ни тебе ярких огней, ни мягкой дорожки под ногами.

«А и хорошо. Значит, никого не ждут».

Лерис переживал, что попадет в храм в тот день, когда какой-нибудь владыка явится испытать судьбу. Но во-первых, владык в Себатре было не так уж много, а во-вторых большинство из них уже нашли свою истинную, поэтому риск оказался невелик.

Поняв, что непрошеного гостя не выставить, глава храма приказал зажечь огни. Не как в праздничный день, конечно, но достаточно, чтобы видеть, как поведет себя колодец. Оракула самого съедало любопытство. Все же за годы его службы в храме подобный случай встречался впервые.

Глава 7

Князь больше не обращал внимания на оракула. Сосредоточился полностью на колодеце. Упал перед ним на колени – уж больно тот был низок, достал из ножен на бедре нож и, не медля ни минуты, чиркнул себя по раскрытой ладони. Как раз по линии жизни.

Кровь обильно потекла в колодец. Вода, сначала никак не реагирующая на гостя (князь от нетерпения аж скрипнул зубами), долгое время оставалась черной.

– Я же говорил... – прошипел оракул, не в силах справиться со злорадной улыбкой.

Лерис дернулся было, чтобы ответить ударом в рожу – сейчас он пошел бы на любую дикость, но вода резко побелела и ощерилась острыми льдинками. В воздухе закружились снежинки. Там, где кровь продолжала капать, снег окрасился в алый цвет.

– Ну! – в нетерпении князь качнул древнюю кладку. – Показывай!

Тишину напряженного ожидания нарушало ворчание оракула, переживающего, как бы нетерпеливый гость не разрушил древний артефакт. Устав надеяться на ответ, Лерис грудью лег на стенку колодца и со всей дури ударил кулаком в толщу льда. Тот раскололся с оглушающим треском, и рука небесного князя провалилась в воду по самое плечо.

Уставшая Ева наклонилась над раковиной. Лицо горело. Она бегом поднималась по лестнице, лишь бы не видеть насмешливые взгляды и не слышать неприятные шепотки. По факультету уже разлетелась сплетня, что какой-то шутник раздел Никольскую догола и, навеселившись с ней, пьяной, вволю, пометил татуировкой. Все совершенно так, как подумал Максим.

Ева открыла кран так сильно, что вода не успевала уходить в сток. Дождавшись, когда та сделалась ледяной, Ева зачерпнула воду ладонями и опустила в них лицо. Она сдерживала дыхание так долго, что заболели легкие. Но когда отняла руки, закричала – раковина наполнилась кровью.

– Ты чего? – на пороге туалетной комнаты появилась заспанная Ксюха.

– Боже, что со мной?! – Ева была в ужасе, представляя, что творится с ее лицом. Иначе откуда взяться столько крови?

– Да вроде ничего. Мокрая вся.

– Сюда смотри, сюда! – Ева постучала ладонью по кончику носа. Ксюша подошла ближе, обхватила голову подружки руками и повернула к окну.

– А, так ты про прыщ на лбу! Чего кричать? Совсем маленький.

Ева не поверила, метнулась к зеркалу.

Ксения покачала головой и повернулась к раковине, где продолжала хлестать вода. Молча закрыла кран и, желая, чтобы вода лучше уходила, покрутила пальцами в стоке. И взвизгнула от страха.

– Меня кто-то схватил за пальцы! – она тряслась и прижимала мокрую руку к груди.

Ева на цыпочках подошла к раковине, из которой с неприятным шумом уходила вода, и осторожно заглянула в нее. Со дна на нее смотрел тот самый темноволосый мужчина, что когда-то напугал в кафе.

Теперь обе студентки орали в голос.

Сбежавшиеся со всего этажа сокурсники никак не могли взять в толк, почему их соседки бьются в истерике. На вопрос, что случилось, обе показывали на раковину. Не найдя ничего примечательного ни в ней, ни поблизости, устав ждать вразумительных ответов, студенты разбрелись по своим комнатам. Самые нервные наградили девчонок званием чокнутых и посоветовали больше не «укуриваться». Любители сенсаций не торопились покидать цирк. Для таких любое шумное событие – развлечение. Тем более в клоунах все те же: Ева со своей подруж-

кой. Напоив испуганных девушек валерьянкой и дождавшись, когда обе успокоятся, стойкие зрители были вознаграждены.

– Ксюша, скажи честно, что случилось с тобой в туалете? – Еве важно было убедиться, что она не сходит с ума. Повторение галлюцинации ее напугало. – Ты что–то видела?

– Да ничего я не видела! – встряска подействовала на Ксению отрезвляюще. Теперь она стыдилась, что повела себя, как дура.

– Почему тогда кричала? – не отступалась Ева.

– Ты меня напугала! – Ксюша, защищаясь, сложила руки на груди.

– Но ты же сама сказала, что тебя кто–то схватил за пальцы!

– Мне показалось. Вода воронкой закручивалась, вот и показалось.

Теперь Ксения понимала, как глупо было думать, что кто–то потянул ее за руку.

– Но разве в воде не была кровь?

– Какая кровь, Ева? Очнись!

– А мужчину... Отражение мужчины ты видела?

– Боже! Откуда там взяться мужчине? Ничего я не видела. Ты орала, и я орала.

– Все понятно, общий психоз, – староста третьего курса, молча наблюдавшая за перепалкой, поставила очевидный диагноз. Поднявшись со стула, Макеева сделала знак всем присутствующим удалиться. Театр окончен. – Вы своими криками просто довели друг друга.

– Но почему вся эта хрень происходит именно со мной? – Ева не понимала, с какого перепуга она вдруг сделалась объектом осуждения и жалости. Она ничего не делала, чтобы превратиться в алкоголичку, не помнящую, когда и кто набил ей тату, или дерганную психичку, видящую то, чего нет. Никаких таблеток не принимала, не курила, не пила. Ну, почти не пила. День рождения Ксю не в счет.

Ева вспомнила о паре таблеток от аллергии, но тут же отвергла притянутую за уши версию. Прошла почти неделя. Да и не дают антигистаминные препараты такого эффекта.

«Что за наказание! Татуировка, пугающие галлюцинации».

Хотя... хотя, может, на самом деле заболела? Первый звоночек случился в кафе, где Ева увидела лицо человека на дне стакана. Она легкомысленно отмахнулась от тревожного признака, списав видение на нервное напряжение. Сегодня тоже немало поволновалась. Вот и случился рецидив. Поход в тату–салон оказался тем еще испытанием, а еще эта неприятная ссора с Максимом. Повела себя как настоящая истеричка, бросила кольцо, ушла в ночь.

– Больше отдыхать надо, Никольская. Спать, а не строчить курсовые. Совсем себя загнала, – Макеева осуждала подобный заработок. Кто–то гуляет, а кто–то себя гробит.

– Да, наверное, ты права, – Ева легла на кровать и, отвернувшись к стене, положила под щеку ладонь. Четыре таблетки валерьянки вызвали сонливость. Глаза сами закрывались. – Вы идите. Я только немножко посплю и приду в себя. Завтра контрольная по вышке, нужно подготовиться.

Высшая математика давалась ей легко, и можно было не переживать, но Ева обещала позаниматься с Ксюхой.

«Потом, все потом».

Лерис, рвясь об острые грани льда, раздвигал его, расчищал пространство, чтобы добиться чистоты воды, в толще которой что–то происходило. И увидел. Он замер, когда на дне колодца заметил девушку, закрывающую лицо ладонями. Он не успел ее рассмотреть, нареченная метнулась в сторону. Через некоторое время показалась вновь, и князь удивился. Ожидал увидеть светловолосую, а тут рыжая. Вся какая–то чересчур яркая. С крупными чертами лица. С дерзкой ухмылкой. Она без раздумий протянула руку, и небесный лорд, подчиняясь импульсу, тоже сунул свою в воду, но едва дотронулся до кончиков пальцев девушки, как почувствовал отвращение.

Странное чувство напугало, он сжал ладонь в кулак, точно прикоснулся к жалящей траве. Такая росла на острове Руб, и воспоминания о причиняемой ею боли до сих пор были живы в памяти, хотя с детства прошло немало лет.

Как такую любить, если все его естество против?

Гримаса разочарования дернула мышцы лица. Лерис беспомощно обернулся на оракула, будто тот способен был открыть, что происходит. Не мог не заметить, как довольный тот потирает ладони. Неприятный шелестящий звук резанул по обнаженным нервам.

Лучше уж смотреть в воду, чем в мерзкое лицо оракула.

Князь сглотнул и вновь навис над колодецем. Ото льда не осталось следа, но дно зияло обидной пустотой.

– Что же ты так мучаешь меня? – произнес князь себе под нос, но колодец услышал: вновь явил девушку, но уже другую. Такую, как описывал старый капитан. Светловолосую, радующую сердце тихой красотой. Она робко заглянула в воду, замерла на несколько секунд. Изображение было настолько четким, что Лерис увидел, как незнакомка моргнула. И открыла рот в крике.

– Да что такое?! – князь от досады хлопнул ладонью по воде. Он даже не успел протянуть руку, чтобы предложить ее нареченной, а та уже исчезла.

Вода в колодеце неумолимо чернела, и теперь невозможно было разглядеть не только его дно, но даже осклизлые стены.

Князь поднялся, вытер руки о край рубашки, подхватил с пола камзол (не заметил, когда его с себя скинул) и направился к крутой лестнице.

– Все? Удовлетворили свое любопытство? Теперь пора и честь знать? – препротивнейшим голосом поинтересовался оракул.

– Я вернусь, – князь бегом поднимался по лестнице. – Так быстро вы от меня не избавитесь.

– Зачем же мучать древнюю вещь? Разве не понятно, что суженная не хочет вас видеть?

– Это мы еще посмотрим.

– Куда уж больше смотреть? Если бы вы были в милости, вам сразу же руку протянули бы. За всю жизнь не припомню подобного случая неповиновения. Может, оно к лучшему. Если она сейчас строптива, что будет потом?

– За собой следи. И за своими речами. Перед тобой князь, а не мальчишка из подворотни, чтобы его отчитывать.

Добежал до двери и хлопнул ею так, что посыпалась побелка.

– Беги–беги, – оракул остановился. – Хоть все здесь сокруши, не будет тебе счастья. Сам сгинешь, и острова твои следом в небытие уйдут.

Лорд Птородей за пределами священной залы ход сбавил. Было о чем подумать. Выйдя в пустой двор, где сиротливо стояла прислоненная к стене звезда, уже знал, что будет делать дальше. Громко свистнув, дождался, когда ему скинут канат.

Сунув ногу в крепкую петлю, вновь свистнул и взмыл в небо.

– Не вышло? – тир Пикарт сделал шаг назад, чтобы освободить пространство у шахты. По настроению лорда уже догадался о плохом исходе. Был тот темнее тучи. Осталось для полного сходства метнуть молнию и разразиться громом.

– Видел, но руку не дала. Пугливая какая–то.

– С нашими обычаями не знакома, вот и чурается. Что делать–то будем?

– Где Сталко и Микуш?

– Отправил делами заниматься. Что без толка у шахты мяться?

– Позови. Пусть придут в мои покои.

– Ева, тебя на проходной ждут, – ее растолкала одна из студенток.

– Кто? – Ева зевнула, прикрыв рот ладонью. Взглянула в окно и обреченно выдохнула. Ночь уже, а они с Ксюшей даже не начали заниматься.

– Конь в пальто, – бросила соседка и закрыла дверь.

Ева щелкнула выключателем и зажмурилась от яркого света. Стукаясь о мебель, поплелась к раковине. Протянула руку, чтобы открыть кран и замерла.

– Совсем с ума сошла. Скоро своего отражения буду пугаться, – произнесла и решительно пустила воду. Тоненькой струйкой. Чтобы не вздумала накопиться на дне раковины.

Ева чистила зубы и чувствовала себя героиней. Побороть свои страхи – одна из ступеней становления личности.

Переодевшись и причесавшись, пошла вниз.

– Мою Ксению не видели? – спросила у стайки девушек, облепивших брэнчащего на гитаре студента.

– Она ушла гулять с парнями с пятого курса.

– Вот жучка, – цыкнула Ева, понимая, что подруга выбрала более приятное времяпровождение. А завтра на вышке замучает, требуя помощи.

У проходной столб подпирает Максим.

– Как ты? – спросил он, оглядывая «невесту» с ног до головы.

– Нормально, – ответила Ева и отвела глаза в сторону.

Она не была уверена, что с ней все хорошо. Странные видения и отсутствие воспоминаний, откуда взялась татуировка – реальный повод обратиться за помощью. Но не к Максиму. Ева для себя уже решила, что сначала расскажет о странном умопомрачении отцу, и пусть тот решает, какой ей требуется врач. Она ни за что не отважится преподнести родителям шокирующую весть по телефону. Те тут же прилетят всем семейством к ней, поэтому нужно постараться дожить до воскресенья и не уехать на скорой помощи со связанными руками. «Надо понаблюдать», – извечная врачебная формулировка при неясном диагнозе вполне подходила для ее случая.

– Ева, – рука Максима нашла ее ладонь и мягко сжала, – я сожалею, что накричал на тебя. Согласись, ситуация необычная. У тебя появилась татуировка, и ты не понимаешь, откуда она взялась.

– Но это на самом деле так, – Ева освободила свои пальцы из захвата. – Я говорила со всеми, кто был на Ксюшиной вечеринке. И ни один человек не видел, чтобы я пропадала хоть на минуту.

– Ладно, оставим. Я не хочу тебя мучить. Истина рано или поздно всплывет.

– Зачем ты пришел, Максим? Кажется, мы уже все выяснили. Я тебе не подхожу.

– Подходишь. Ты даже не подозреваешь, насколькоходишь, – он попробовал притянуть к себе Еву, но ее тело словно задеревенело и не хотело ложиться в объятия. – Мне без тебя не жить.

Ева фыркнула.

– Я не кривлю душой. Посмотри на меня, Ева. Посмотри, – Макс насильно поднял ее подбородок. – Что ты видишь?

– У тебя синяки под глазами, – ее собственные тревожно мерцали. Максим на самом деле выглядел неважно. Двухдневная щетина, помятый ворот рубахи. Ни следа от былой подтянутости. – Ты пил?

– Я не спал два дня. Сегодня даже не пошел на работу. Ты убиваешь меня, Ева.

– Я... я не хотела.

– Вернись ко мне, – Максим наклонился, прижался щекой к ее волосам. – Скажи, что прощаешь. Мы сведем эту чертову татуировку. Я уже проконсультировался.

– А может... – Ева сглотнула, – а может, она мне нравится?

– Хорошо. Оставим. Будем когда-нибудь вспоминать со смехом.

– Когда–нибудь? Но мне сейчас не до смеха.

– Мне тоже. Разве ты не видишь, что я готов умолять тебя? – шепот беспокоил. Хотелось оттолкнуть Макса, вырваться из его душных объятий. Но он не позволял. Ева затихла.

– Максим, мне кажется, ты пьян.

Никогда прежде он так себя не вел. Чаще был насмешливо–холоден. Словно она маленькая девочка, которая только и умеет говорить и делать глупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.